

СЕРГЕЙ ХОРУНЖИЙ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ГРАЖДАНСКАЯ САМООБОРОНА

Сергей Хорунжий

Гражданская самооборона

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Хорунжий С. В.

Гражданская самооборона / С. В. Хорунжий — «ЛитРес: Самиздат», 2009

Когда жизнь летит под откос, а страны, которую обещал защищать, больше нет! Когда твои умения не нужны никому, а идти, по сути, некуда. Когда собственную совесть приходится топить на дне стакана и однажды родным домом оказываются привокзальные трущобы родной столицы — у нормального человека выбора нет: либо на тот свет, либо напрямик в прекрасное далёко, то бишь в будущее...Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	15
Глава 2	22
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Пролог

Я познание сделал своим ремеслом,
Я знаком с высшей правдой и с низменным злом.
Все тугие узлы я распутал на свете,
Кроме смерти, завязанной мертвым узлом.

В этой тленной Вселенной в положенный срок,
Превращаются в прах человек и цветок.
Кабы прах испарялся у нас из-под ног —
С неба лился б на землю кровавый поток !

Омар Хайям

Ого!!!

Егор едва успевал отбиваться, то и дело уворачиваясь от очередного ножа, или «розочки» – бутылки с отбитым доньшком, а тут ещё кирпичи начали летать, как живые, по непонятным траекториям, норовя заехать по организму. Пару царапин он уже заработал, а от серьезных ран пока спасало только то, что на него лезли дилетанты, да и настоящих снайперов среди «стрелков» похоже, что не было, но количество противников всё же перевешивало качество и долго так продолжаться не могло...

Пробуждение было кошмарным. Внутри всё дрожало и тряслось. Молодой и сильный пока ещё организм уже с трудом перерабатывал всяческую дрянь, которую заливал в себя хозяин и с каждым днём «выныривать» из дурманной черноты было всё труднее. Нутро горело огнём, брюхо сводили голодные спазмы, а голова, казалось, вот-вот лопнет, как перезрелый арбуз, только чуток посильнее ткни в неё пальцем. Срочно требовалась реанимация в виде какого-нибудь алкогольного зелья, а добыть его можно было только одним путём, без криминала – насобирать пустых бутылок и обменять их на какое-нибудь пойло. Это был самый быстрый способ, но не самый безопасный.

Гор попал в такой район, где ревниво соблюдались негласные правила и порядки, порой резко отличающиеся от тех, что были прописаны в законодательстве, и лучше их было не нарушать. У местных бичей и прочей публики территория кроилась на «деляны», где каждый промышлял и добывал себе на прокорм каким-нибудь способом. Границы этих «ареалов» ревностно охранялись их «хозяевами», а уж промысел на чужом наделе, который определил «старший», грозил большой бедой нарушителю. Отлучение от «кормушки» и изгнание с насиженного места было не самым суровым наказанием. Впрочем, пока он вёл себя вполне приемлемо, и трущобы Курского приняли его как родного. Накануне вечером, он забрёл сюда и, насосавшись с какими-то бомжами палёного водевича, прикорнул в одном из заброшенных зданий. Теперь очнувшись от пьяного забытья, Егор хромал в сторону вокзала, выискивая, чем бы потушить пожар бушевавший внутри.

Ему было очень плохо и с каждой минутой становилось всё хуже и хуже: сердце бухало в груди, словно кузнечный молот, в глазах то и дело темнело. «Похоже, щас прикушу хвост!» – мысль, промелькнувшая в голове, была как не своя и не про себя. Апатия и безучастность к тому, что с ним происходит в последнее время, накрыли его в очередной раз с головой, и он брёл вдоль железнодорожного полотна, будто зомби. Впрочем, молодое или нет, не так, скажем не совсем потрёпанное тело, сдаваться без боя не собиралось. Предыдущий опыт и прожитые годы не давали, уразумев, что до хозяина не достучаться, отходняк у него, видите ли,

и длительная протрация. Потому-то организм и приступил к действию совершенно самостоятельно, не взирая ни на какие условности!

И начхать ему было, кто здесь и как рулит! Жизнь дороже!!!

Несколько забулдыг, среди которых находилась особь женского пола, расположились на сентябрьском ещё тёплом солнышке разложив утренний завтрак в виде парочки помятых беляшей и ополовиненной бутылки водки, припрятанных видать ещё с вечера. Поблёскивая голодными глазами они всё своё внимание сконцентрировали на предводителе, который суровыми окриками пресекал любое неповиновение и колдовал возле нехитрого закусона, вызывая недовольное ворчание. Именно поэтому они пропустили приближение чужака, который, недолго думая, отвесил им несколько затрещин и, не обращая внимания на протестующие вопли, с жадностью заглотив всё, что так любовно разложили на грязной газетке бичары.

Плюхнувшись на землю, Гор несколько минут не шевелился, ощущая, как организм потихоньку приходит в себя, а струна, натянутая до предела начинает ослабевать. Дышать стало проще, и невольная слеза облегчения поползла по небритой щеке. Подождав пока резкость наведётся окончательно Егор встряхнулся своим большим давно невымытым телом и осмотрел поле недавней битвы и трофеи, доставшиеся ему от предыдущих хозяев. Несколько пакетов с пустыми бутылками были по нынешним временам для него целым состоянием, а большая спортивная сумка, стоявшая особняком, заслуживала отдельного и тщательного досмотра. Хотя знакомство с новоприобретённым имуществом могло и подождать, так как вместе с общим улучшением самочувствия потихоньку начинала соображать и голова. Вместо той абракадабры, которая с утра кувыркалась у него под черепушкой, вычленив одно единственное желание – стакан водки, а лучше – два!!!, начали проявляться ещё какие-то желания и потребности. Заметив неподалёку водяной кран и лужи возле него – захотелось напиться и умыться, а затем, привести в порядок то рваньё на себе, которое в недалёком ещё прошлом называлось полевой общевоинской формой. Правда, ноги были обуты не в новенькие берцы, выданные ему интендантом госпиталя, а в поношенные кроссовки, но внешний вид, впрочем, как и всё остальное, были сейчас не самой сильной его стороной.

Кривая ухмылка растянула потрескавшиеся губы и опухшее от долгих пьянок небритое лицо. Егор не смотрел на своё отражение, понимая, что ничего хорошего он там не увидит. Да и как может выглядеть боевой офицер специального подразделения, которого по ранению выписали долечиваться в никуда: дом, где родился, стал зарубежьем, а родная часть, где служил – расформирована. Правда, у нормальных людей были ещё, как правило, родственники. Так тож у нормальных, а у него – н и к о г о!!! С друзьями тоже было не густо: закрытый доступ, особый режим, ограниченный круг людей. Кого-то уже не было в живых, кто-то вообще сгинул в небытие, а кто-то сам «лапу сосал» из последних сил изворачиваясь, чтобы семью прокормить.

Вот такие дела!!!

Глухая обида, боль и пьяный угар – это все ощущения, которые сопровождали его в последнее время, хотя – нет! Тренированная память бесстрастно отмечала:

- увели бушлат;
- где-то, после очередной попойки, осталась сумка со всем небогатым скарбом;
- берцы – тяжёлые высокие ботинки, обменял на опохмел;
- куда-то подевались документы.

Всё!!! Больше у него ничего не было и, похоже, что он дошёл до предела, до самой крайней точки...

Что ещё осталось – совесть, честь, по нынешним временам ничего не стоившие и жизнь, за которой, судя по всему, уже пришли.

Неясное шевеление и громкие возгласы в отдалении переросли в гомон быстро приближавшейся толпы. Народ валом валил наказать дерзкого чужака, который, подхватив боль-

шую сумку, прихрамывая, двинулся в сторону Казакова, надеясь выбраться там, в безопасные места...

...самых нетерпеливых Егор уже успокоил. Несколько неподвижных тел валялись у его ног. Остальные отпрянули, издали обстреливая его кирпичами, битыми пузырями и прочими метательными снарядами, подвернувшимися под руку. Краткое затишье позволило беглецу перевести дух. Он давно не работал с противником так, по серьёзному. Почти год, проведённый в больничке и то время, когда он начал бродяжную жизнь не добавили ему силы, а если честно, растворили в неверии последние остатки. Недолгая схватка, совсем вымотала его «истерзанный нарзаном» организм, а отходняк, слегка прибитый малой дозой наверняка палёного суррогата, начинал потряхивать сызнова.

Нужно было срочно что-то делать, тем более на «разбор полётов» подрулила очередная партия местных бойцов. Встреченные одобрительными воплями, они действовали уже более умело, да и экипированы были соответствующим для данного мероприятия образом: металлические прутья и палки, вперемежку с ножами и тесаками разных размеров.

Егор уже не тормозил психику, как это было с предыдущими бедолагами, растягивая во времени каждое движение, а ломал народ конкретно, понимая, что те, кто подымится, если он будет миндальничать, его-то как раз и не пожалеют. Отмахивался он из последних сил, но и этих «гренадёров» всё же одолел.

Привалившись спиной к какому-то приземистому строению, Гор с трудом переводил дух, осматриваясь вокруг. Взгляд, на автомате работающий по всему периметру, выхватывал то изумлённые небритые рожи, то чьи-то испуганные глаза. Кто-то стонал, кто-то матерился, но больше к нему никто подходить не решался. Подобрал с земли испанский El Cazador – огромный тесак, который уже вряд ли бы пригодился своему хозяину, лежащему рядом с неестественно вывернутой головой, Егор опять двинулся по ранее намеченному маршруту, не забыв прихватить сумку. Его мотало из стороны в сторону и опять внутри мутило, но расслабляться было нельзя. Жаждающие мщения и реванша аборигены тутошних трущоб пробирались за ним, не упуская из виду и грозя ему каким-то Маркелом, который «ща подвалит!» и со всем разберётся. Раненая нога, которую так и не долечили – хорошо хоть не отрезали!, болела неизменно. Искры из глаз сыпались уже не только из-за похмелья, но и по этому поводу тоже. Тем не менее, фейерверк внутри не помешал заметить главного: именно оттуда, куда он так стремился, с насыпи, которая вела наверх, на улицу Казакова, спустилось несколько человек. Двое слегка приотстали, пряча руки в оттопыренных карманах, а третий, по всей видимости, предводитель, шёл чуть впереди, играя в руках увесистой бейсбольной битой. Играл умело, мастерски. Да и не шёл он, а прожигал воздух перед собой, своим жилистым натренированным телом, своими глазами, которые выискивали чужака, посмевшегося нарушить ЕГО территорию и порядки, установленные на ней.

Толпа восторженно завывала, приветствуя своего вожака...

Егор, увидев, что пути к отступлению отрезаны, прикинул с кем имеет дело и не попробовать ли на зуб очередную тутошнюю шуштуру, но ничего хорошего эта оценка не принесла.

Вперёд было никак!!!

Две волыны, как минимум у тех, что сзади и типчик, который не шёл, а стелился по земле, будто зверь вышедший на охоту, оптимизма не добавили. Эти трое громил в нынешнем его состоянии были ему не по зубам, он смертельно устал, и отключиться, выйти на уровень «боевой машины», можно было даже не пытаться. А значит, дёргать судьбу за усы не стоило. Под ложечкой засосало, а в голове, как обычно, когда возникала очередная патовая ситуация, завертелся детский стишок, переделанный на свой, чернушный манер: «Идёт бычок кончается, сдыхает на ходу!» Усмехнувшись самому себе и отметив то, что раз юморит, значит ещё не всё потеряно, Гор заозирался вокруг, в очередной раз, прокачивая обстановку.

Захотелось чуда!!!

Какого-нибудь такого, крохотного, лично для себя. Чтобы как у нормальных людей попавших в безвыходную ситуацию, из которой обязательно есть ненапряжный выход с полным набором киношно-волшебных, конечно же, неожиданных совпадений. Впрочем, профессионал-штурмовик, утопанный по нынешним временам где-то далеко в глубине души, тут же расставил всё по своим местам – хрена тебе лысого, дядя!

И с помощью, и со всем остальным...

Об чём ещё мечты, дурашка? Надеешься на простого обывателя или на славную нашу милицию? Так они в таких местах не появляются.

Никогда!!!

Впрочем, даже если бы вдруг предположить, что чудо произошло и кто-то всё же забрёл в это захолустье, то вряд ли бы этот кто-то, оценив окружающую обстановку и увидев разгорячённую толпу, полез бы рисковать своим здоровьем из-за какого-то бомжары. В том числе, ребята в погонах. У них, болезных, по теперешним временам едва сил хватало на то, чтобы себя спасти от всяческих бед, а посему, решение данной проблемы надо было искать самому. Благо, расстояние до новой напасти по имени Маркел сотоварищи, было приличным и позволяло Гору принять и попытаться реализовать единственно верный план, а именно, уносить ноги и как можно скорее!

Правда, скорее, вряд ли получилось бы...

Ноги, в смысле нога, не позволяла не то, что ускориться, просто шкандыбать самым тихим ходом – уже было подвигом. Локализовать боль при помощи самокодирования никак не удавалось: отвык, забыл, размяк, да и времени не было.

Не давали, заразы!!!

В голове промелькнула крылатая фраза из какого-то кинофильма: «Оставалось пропадать!», но вот этого-то как раз и не хотелось. Ещё раз фотографируя окружающую обстановку и пути максимально эффективного отхода, так как прямое столкновение отметалось напрочь, в виду того, что шансов на выживание не было, Егор заметил строение, которое могло помочь ему в данной ситуации. Старая, похожая на перевёрнутый большой стакан постройка, вылепленная из добротного кирпича, видать уже очень давно не поддававшегося напору времени и упорно проступавшему через многочисленные слои всевозможных побелок и покрасок, словно поманила к себе. Более того, к осаде вполне была пригодной, так как не имела окон, а только одну видимую отсюда дверь, забитую крест-накрест какими-то досками. Напрягая последние силы, Гор кое-как дошкутьльгал до здания и разметав хлипкую преграду из деревянного дранья, распахнул тяжёлую металлическую дверь.

Винтовая лестница, сделанная из толстенных арматурин, уходила куда-то вниз, начинаясь с небольшой огороженной площадки. Для чего и кем было построено это сооружение, ни вникать, ни разглядывать времени не было. Егор захромал по ступеням, на ходу то и дело с силой жмуря глаза, чтобы они поскорее привыкали к темноте. Автоматически отмечая ярусы, которые в сгущавшемся сумраке зияли чёрными провалами, он успел добраться до самого низа, когда пятно света над головой закрыл чей-то силуэт. На верху заспорили.

– Маркел, стой!

– Отвянь Коляныч, не до разговоров щас! Погнали вниз, этот урод где-то там спрятался!

– Запаковаться то он запаковался тута, тока я в эту черноту наобум не полезу, – пробасил ещё чей-то голос.

– Чё, заочковал? Какого-то фуфела?

– Ты меня знаешь, Маркел. Я везде тебя подпирал, но не в этом дело! Бичары орут, что в Духов дом лучше просто так, не соваться.

– В какой, какой дом?

– Духов..., – низкий голос слегка дрогнул. – Говорят, что там народ иногда исчезает, бесследно, а когда и как, блаженный один знает. Его подождать надо.

– Да ладно. Хорош жути нагонять!

– Да тосьно! – подключился ещё один, шепелявый. – Народ басарит, фто многих этот домифка проглотил, кто не поферил. Кто беф уфазения туды полеф... Дафай, Маркел, подофдём. Куда он денефтся? Оттэдова выход тока один, как и вход. А я покараулю ш пасанами. Осень мы на нево фзлые, падлюку такую...

– Хех, ещё бы! – не то прохрипел, не то засмеялся, тот, кого звали Маркелом. – Он тебе по ходу половину зубов вынес.

– Угу, тока не фсмесно ето...

– А мне и не смешно, – последние слова прозвучали так, будто говорящий превратился в какого-то мерзкого ползучего гада, глотка которого только и способна выдавать леденящий свист. – И ждать я никого и ничего не буду, разве что пару фонарей.

– Сего-сего?

– И очень быстро, Шнырь. Иначе...

– Фсё, фсё, Маркел. Ща фсделаем, спокуха!

Акустика в здании была великолепной, и Гор всё слышал. Информацию об исчезновении людей он пропустил мимо ушей, как не заслуживающую особого внимания. «Бабушкины сказки» сейчас были ни к месту, а вот то, что его в покое не оставят и в очень скором времени за ним всё же придут, огорчила окончательно. Сегодня явно был не его день, да чего там день... похоже, что и месяц, и даже год! Понятное дело, что укрытие, в которое он забрался, не гарантировало неприкосновенности, но всё же кое-какая надежда поначалу закралась в душу. Винтовая лестница, ходившая ходуном, темень и запах, такой, что аж дух забивал – всё складывалось как нельзя лучше. Прыти у преследователей должно бы было поубавиться. Ан нет! Судя по разговору, оставлять его надолго в покое никто не собирался, и на передышку можно было не рассчитывать. Времени на всё про всё, в смысле найти выход из этого каземата, у него оставалось минут пятнадцать, максимум двадцать.

Юморные стишки в голову больше не лезли, и это был первый признак того, что за котёнком всё же пришли, и в сортир ему бегать осталось совсем недолго. Самочувствие отошло куда-то на второй или даже на третий план и похоже было на то, что ему даже резко получше. Вернее, уже было не до того, не до самочувствия. Страдай, не страдай, а когда к твоему организму подбираются со всех сторон и так и норовят сделать ему больно, приходилось шевелить «булками». В смысле, задницей, чтобы себя любимого не зашибло и очень даже может быть, что на смерть.

Гор отодвинулся от неясного светового пятна, которое вырывало из полусумрака кучу какого-то хлама на полу, и подался в темень. Правда, сделав несколько шагов в кромешную черноту, он вынужден был остановиться. Рука с ножом беспомощно тыкалась в пустоту, а глаза, как он их не пучил, не давали никакой информации, что там, впереди. Страха особого не было, но где-то на макушке нечёсанные русые волосы слегка встали дыбом, а в голову откуда-то прилетела и накрепко засела мысль, что прямо перед ним зияет пустотой ямина, на дне которой оскалилась ржавыми концами куча металлического мусора. Здравый смысл пытался бороться с наваждением, убеждая, что всё это не более чем разыграншееся воображение, но...

А вдруг?

А всё же?

Ответ на это вдруг был один – переломанные ноги и конец однозначный, и безоговорочный.

Картина, которую Егор сам себе нарисовал, была безрадостной. Более того, в ближайших планах «ласты заворачивать» он не собирался, а потому, опустив на землю поклажу, вытянул

из кармана зажигалку и запалил её. Ямы, в том виде, в каком она ему представлялась, конечно же, не было, но что-то там впереди ему не понравилось. Нужен был нормальный свет. Слабый огонёк не мог разогнать плотную темень вокруг, да и надолго китайского ширпотреба вряд ли бы хватило, а, кроме того, пламя хоть и небольшое, пальцы обжигало за милую душу. Шипя и матерясь потихоньку от боли, Гор соорудил из подручного мусора, благо его тут хватало, подобие факела.

– Фто, падаль! – тут же отреагировали наверху. – Не можешь беф швета? Ну, нисего-нисего, сяс мы тибе его выключим нафсегда!

Не обращая внимания на визги недавнего, судя по дикции, спарринг-партнёра, Егор подхватил ставшую для него уже родной сумку и двинул вперёд, в сторону обрисовавшегося невысокого тоннеля. Чего или кого по нему перемещали, понять было невозможно, да, если честно, особо и не хотелось. Хотя узкоколейка, на которой стояло несколько вагонеток с паровой дрезиной во главе, вызвала лёгкое недоумение. Ну, в самом деле, если это был какой-нибудь запасной выход или вход из метро на случай очередной войны, не могли же наши конструкторы людей возить на такой байде. Впрочем, усмехнулся про себя Гор, наши то, как раз могли всё: о чудесах отечественных изобретателей и том какие критерии они принимают во внимание, когда собственно что-то выдумывают, домыслить ему не дали. Преследователи наверху зашевелились и, судя по крикам, которые опять возобновились, ничего хорошего ему лично это не сулило.

Надо было уходить отсюда пошустрее...

Спрыгнув с приёмной ramпы вниз, на рельсы, он бочком, вдоль стены, преодолел препятствие и, оставив его позади, пошёл в темноту. Поначалу двигаясь с предельной осторожностью, Егор отметил для себя, что идти было довольно легко, соразмерил длину шага, чтобы попадать ногами на шпалы и никаких проблем. Более того, пути уходили в темноту под небольшим наклоном, что естественно облегчало передвижение, но разгульное вчера! опять напомнило о себе. Напряжение спало, и уставшее тело начало давать сбои, то и дело, спотыкаясь и само собой, выскивая место, где бы половчее завалиться на бок. Приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы не запороть носом, но это было не самое страшное. Похоже, что начались проблемы с дыхалкой.

Ему элементарно не хватало воздуха!

Свежего, чистого...

В метро, как правило, гуляли сквозняки, да и в подземельях, в которых доводилось бывать до этого, обычно всегда присутствовала хоть какая-то тяга. Конкретно в этом месте была тишина, то есть полный штиль и чем дальше он уходил от поверхности, тем хуже обстояло дело.

По крайней мере, для него!

Создавалось впечатление, что ему приходится прогонять через свои лёгкие не газообразную смесь, а какие-то сгустки и комки непонятной субстанции ничего общего не имеющей с воздухом. Он заглатывал их открытым ртом, словно рыба, выброшенная на берег, пытаясь выудить из них хоть какие-то крохи кислорода, но, судя по тому, как тряслись поджилки и начало опять темнеть в глазах, его там было ничтожно мало. Кроме того, та гадость, которую он втягивал в себя, драла глотку, словно наждак и неимоверно смердела.

«Чё за хрень?» – вопрос, возникший в гудящей голове, остался без ответа. Внутри началась паника и, похоже, что ещё и «белочка» постучалась в гости: сумка, отбитая в честной драке, вдруг ожила и зашевелилась!

Естественно захотелось назад к свету, к жизни, да и с поклажей стоило бы разобраться...

Только туда путь был заказан. Совсем!

Словно в подтверждение за спиной заготовало и заулюлюкало эхо, перекатываясь под сводами диким многоголосьем раздухарённой толпы.

– Чё, козлёныши, очко жим-жим, раз верещите, как недорезанные? – Гор улыбнулся сам себе, представляя потные, разъявленные звериным оскалом рожи тех, кто хотел достать его. Он хорошо знал психологию толпы и то количество мяса, которое успел нарубить наверху, отваги им не добавляло. Понятно было, что местные лезут за ним не по своей воле, а подгоняемые троицей, которая нарисовалась на разборках последней, но по другому и быть не могло. Чужак должен был быть наказан, иначе смена власти неминуема. Как это: «броня не любит дряблых мускул!» кажется, так кто-то из великих определил психологию стаи, предопределив одной фразой её развитие.

Егор опять ухмыльнулся каким-то своим мыслям и озадаченно почесал загривок, взглянув на сумку. Похоже, ему всё-таки примерещилось. Кроме того, этот склёпанный где-то в кооперативном цехе спортивный «Adidas» стал ему уже как родным, и оставлять его на радость врагам?

Жаба потом задавит!!!

Дуновение ветерка, которое ощутило всё его естество, заставило напрячь последние, на самом деле, самые последние силы...

Стиснув зубы от боли в многострадальной ноге, он хромал по рукотворному коридору костера на чём свет стоит всех и вся: факелу гореть осталось несколько минут, всё внутри ноет и стонет, сзади уже слышны топот и радостный мат догоняющих, а тут ещё, как назло, тоннель раздваивался!

Ну, и куда идти?

Плюнув от досады в левое ответвление, то же самое захотелось сделать и с правой стороной, но в пересохшем горле слюны больше не было. Потом, вспоминая этот момент, Гор мог поклясться, что струя свежего воздуха, прилетевшая с противоположного, «неосквернённого ответвления», была ему наградой за несовершенное святотатство.

Бред, но кто знает?...

По крайней мере, он, не раздумывая, шагнул именно туда, уже не обращая внимания на то, что рельсы уходили в противоположном направлении. Не смутили его ни лёгкая дымка под ногами, невесть откуда взявшаяся, ни свет, который ударил по глазам, когда он, пройдя всего несколько десятков шагов, ввалился в небольшое помещение. Перед его изумлённым взглядом, противоположная стена взбежала к солнечным лучам, бившим из дверного проёма всего лишь несколькими крутыми бетонными ступенями, а ноги, забыв про боль и усталость, вынесли его как по ровной дорожке, наверх, к свободе и, похоже, что к спасению, по крайней мере, преследователей за собой он не слышал.

Как такое может быть, если всего лишь несколько минут назад Егор был глубоко под землёй и на пятки ему наседали враги? Ответа у него не было, а возвращаться и проверять чего к чему – нет уж, увольте!

Наоборот надо было подалеже отползать от этого места, а то мало ли что, вдруг погоня всё же отыщет к нему путь...

– Маркел, ну сё ты, в натуре? Я то тут при сём?

– А кто при чём?

Толпа, человек в пятнадцать, топталась на краю глубокого провала, выхватывая мощными лучами галогеновых фонарей противоположную сторону.

– Метров десять, не меньше, – заключил один из тех, кто стоял у обрыва. – Дыра эта по ходу как-то закрывается и на тот край можно перебраться. Вишь, рельсы не порваны, а заканчиваются, как так и должно быть, тока я не знаю, как это всё может работать.

– Хорош умничать, Коляныч!

– А чё ты завёлся, Маркел? Понятно же, что перепрыгнуть он не мог. Тут здоровому никак, а он хромал. Сам помнишь.

– Да помнить то я помню, тока ты мне ответь, а где тогда этот урод подевался?

– Он или фнис-с скакнул, фсная сего его фздёт, или...

– Ну-у, продолжай.

– Я з фраскасыфал про Духов дом...

– Ну и чего-о! – заорал, уже не сдерживая себя Маркел. – Там где мы видели этого ублюдка, глухая стена и больше НИ-ЧЕ-ГО!!! Чё он сквозь бетон просочился что ли...

Внезапный скрежет прервал крик, который разлетелся в разные стороны, добираясь до самых отдалённых уголков подземелья. Плита с куском недостающей узкоколейки быстро встала на место, закрывая бездонную пропасть и открывая дальнейший путь. Послышались удивленные возгласы.

– Оп-па, Маркел! Круто. Вся эта хрень начинает работать от громкого звука. Ничё се у нас строить наострились, ты понял?

– Да понял то я, понял, Коляныч. Тока странно всё это... Мы вроде бы ничего такого не слышали, чтобы дорожка для бегунка нашего могла сработать! – нахмутив брови, вожак внимательно посмотрел по сторонам и потрогал ногой для верности возникшую платформу. – Ладно, потом будем разбираться. Погнали, а то эта падаль и впрямь от нас свалит!

Народ, взыв от предвкушения близкой потехи, ломанул вперёд...

– Фстойти!!! – истошный вопль обратил на себя внимание.

– Ты чё, Шнырь? – главный обернулся, замедлив движение. Остальные тоже начали с недоумением оглядываться. – Давай, погна-а-ааааа!!!...

В следующее мгновение случилось то, о чём попытался предупредить шепелявый, смутно предчувствуя беду: плита по какой-то непонятной причине резко ушла вниз. По всей видимости механизм не получил должной команды и не закрепив своего положения, отыграл назад.

Никому из преследователей добраться до противоположного края естественно не удалось. Дикий многоголосый крик ещё долго витал по многочисленным пустотам и пазухам в земной толще, а его хозяева канули в бездну, будто их и не было.

Мрак и тишина опять воцарились в своих владениях, уже не обращая внимания на маленького человечка, который, сползая по стене тихо скулил.

– Я зез говорил, я придуприфдал. Этаф ни фсказки. Духов домик, он такой. Хромого он фзахотел и пропуфтил... череф бетон, а на наф... обиделфся...

Еле слышное бормотание и всхлипы несчастного недолго разносились по подземелью, которое, ожив какими-то неясными тенями, окончательно и без остатка растворило в себе трепещущую от страха людскую плоть, захлебнувшуюся в последний момент предсмертным хрипом...

Горыныч, а именно так его звали сослуживцы, когда Егор сильно нервничал и мог кого-нибудь обидеть, на самом деле был в расстроенных «чуйствах». В голове не укладывалось то, что с ним произошло. Материалист до мозга костей, он никак не мог въехать, каким это образом ему удалось уйти от наседавшей на пятки погони. Мысли были враздрай, да и алкоголь, выветриваясь из организма, тоже не способствовал концентрации внимания: выбравшись на поверхность, он очутился на какой-то помойке и уже пару раз шмандякнулся так, что только перья в разные стороны полетели. Волей-неволей «включиться» в окружающую обстановку всё же стоило. В противном случае он крепко рисковал своим здоровьем. Кроме того, нога его совсем измучила и требовала немедленного и, если учитывать то, как ему мастерски удалось свалить от разъярённой толпы, даже заслуженного отдыха. На привале, кстати, можно было пораскинуть мозгами, чего к чему...

Баул оттягивал руку своим весом и, предвкушая скорый передых, а может даже скромный перекус, бомжары народ запасливый, он выбрал место почище. По привычке, обтаптывая территорию, примечая пути подхода и отступления, Гор то и дело ловил себя на том, что мысленно, раз за разом, возвращается к недавним событиям. Расквасившиеся в бормотухе мозги, отвыкшие за последнее время соображать как у нормальных людей, бастовали, но всё же пытались анализировать и выдать что-нибудь на-гора. Какие-нибудь приемлемые объяснения.

И им ЭТО удалось!!!

Они, родимые, всё-таки додумались до того, что сегодня как-то всё не так.

О, как! Вывод был просто суперский, но уж, какой был...

И как не крути, а утренние похождения, которых в его нынешней вольной жизни было не так уж и много, взбудрили его конкретно. В самом деле, а чего такого примечательного может происходить у бывшего интеллигентного человека, то бишь БИЧа: стакан, бутылка, пьяный базар с каким-нибудь мурлом и спать. Так день до вечера – вот и вся суета, впрочем, ночёвка тоже не последняя забота, но знающие люди говорили, что пока тепло, проблем никаких, а вот зимой?

Хотя, до снежных времён ещё нужно было дожить...

Даже при нынешнем его состоянии особых мозгов не требовалось. Понятно было и без глубокомысленных умозаключений, что ещё парочка таких приключений и проблема холодов для него лично будет не актуальной. Дождутся обиженные папиного расслабона и растянут его в какой-нибудь подворотне «на немецкий крест». Только в течение одного дня шла такая свистопляска, чего уж загадывать на долгий срок: Фортуна тётка своенравная и чего у неё в её ветреной голове происходит – это большой вопрос. К примеру, она только что указала ему дорожку в сторону спасения, а назавтра кирпичом бац по башке и пишете письма мелким почерком, с того света!

Для тех, у кого на плечах была «думалка», а не агрегат по пережёвыванию пищи, выводы напрашивались сами собой!

Надо было что-то делать, ловить момент, так сказать, а вдруг именно сегодня у него всё и начнётся.

Сколько можно на самом деле?

Жизнь мимо несётся, не желая делать в его сторону никаких реверансов, так почему не сейчас: на вокзале «мероприятие», как не крути, прошло чудненько, в подвале тоже подфартило конкретно. Отсюда напрашивалось – с захваченным трофеем ему наверняка повезёт так же, как и со всем остальным. Ну, в самом деле, а почему бы для начала в поклаже не оказаться какому-нибудь приличному куску колбасы или на худой конец шматку сала с луком, а? Это был бы, какой-никакой знак свыше, отправная точка, когда в очередной, надцатый раз, пора было бы заняться собой, пока всё окончательно не накрылось медным тазом. «Мелковато плаваешь, Егорка. Чё-то для начала новых дел старт слишком низкий. С куском ливерной, в обнимку, высоко не подпрыгнешь» – ухмыльнулся про себя Горыныч. – «Хотя, на сытый желудок куда как приятнее разгоняться».

Живот заурчал, напоминая о себе. Оказывается, развешивая плюхи и галопируя сначала по курским трущобам, а затем, удирая от обитателей тех мест ещё и под землёй, он крепко проголодался. Нагулял аппетит, если хотите. Правда, чего там душой кривить, перекусить всё же слегка удалось. Да только пара беляшей и стакан какой-то сивухи – разве ж это можно было принимать в расчёт? Только на один зуб и хватило.

Зато теперь...

Наклонившись над своим небогатым скарбом, больше у него ничего не было, Егор потянул замок и... медленно опустился на землю, хлопая глазами от изумления.

Везуха была ещё той, нечего сказать!!!

Из сумки на него смотрели два детских испуганных глаза...

Глава 1

Первым делом захотелось выругаться: смачно, трёх или даже четырёхэтажным матом со всякими подколенцами и подвывертами. Так сказать, облегчить душу, но при ребёнке сработали тормоза – воспитание не позволяло. Хотя, это дитё, учитывая откуда он его выдернул, наверняка могло для прыткого дяденьки стать учителем и запросто преподать уроки великого и могучего русского языка, в смысле крепких выражений...

И пока одна половинка Горыныча боролась от угрызений совести, краснея и бледнея одновременно от тех непотребств, которые вертелись на языке, на другой его стороне бушевал ураган! Там, на этой стороне, он мог не сдерживать себя и рассказать всё, что он думал о себе и о своих родственниках, вплоть до десятого колена!!! Егор не забыл в этом красочном и витиеватом монологе упомянуть о собственной жизни от школы и до нынешнего дня, а так же особым порядком пройтись по Москве и Курскому, в частности. Бомжарам-козлам, которые не соизволили его предупредить о ТАКОМ сюрпризе, он отвёл особое, почётное место в своём опусе, совершенно позабыв о том, что никто, в общем-то, не заставлял его таскать злополучный трофей. Постепенно от самобичевания Гор перешёл к планам ужасной мести. Богатое воображение рисовало ему картины того, с каким эффектом будет возвращена ЭТА подлянка. Правда, справедливое и естественно неотвратимое возмездие на время откладывалось так как: во-первых, он вспомнил, что его закатают в асфальт ещё на подступах к вокзалу и никакая спецподготовка не поможет, а во-вторых, белокрысый пацанёнок, выбравшийся из своей люльки начал теревить его за рукав.

– Дядь, а дядь?

– Чего тебе? – отвлёкся от своих невесёлых раздумий Егор.

– Кусать хосю...

– Думаешь только тебе есть охота?

Ответ был сказан таким тоном, что мальчуган попятился от него, испуганно спрятав за спину руки. Замурзанная мордаха насупилась и больше не говоря ни слова, он полез обратно, в сумку. Гор удивлённо уставился на своего невольного спутника. Ожидая детских слёз и уже внутренне закипая и по этому поводу тоже, мало ли у него сегодня было всякого-разного, здоровый и крепкий парень был ошарашен таким стоическим поведением малыша.

– Что, приятель, небось успел хлебнуть в своей жизни, если даже плакать боишься? – попытался исправить Егор. – Я тут рычу потихоньку, но ты меня не бойся, я не укушу. Так только, попугаю, а потом глядишь и успокоюсь.

– Да, лана, – тут же высунулся из своего убежища мальчуган. – Я не глустью, видишь?

– Вижу.

– А длаться не будешь?

– Это за что же?

– А за то, что плиставаю?

– Эх ты, дипломат. Ну ладно, иди сюда.

– А засем ета?

– Поздоровкаемся.

Знакомство происходило без вручения верительных грамот и вообще не по протоколу. Хлопнув по рукам, они улыбнулись, довольно разглядывая друг друга.

– Ну, чего Василёк? – потрепал мальчишку по нечёсаной голове Егор. – Узнали мы друг о друге немало: ты моё имя, я твоё. Чего будем делать дальше?

– Кусать...

– Да уж, кто бы спорил, – погрустнел Горыныч. – Только еды ни в твоей торбине, ни вокруг, не наблюдается, а значит что?

– Сего?

– Надо выдвигаться на поиски пропитания. Ты как, готов?

– Ага, – обрадовался Вася. – Тока мовзна я ногами пойду, не в сумке?

– А кто ж возражать будет, думаешь, я? Так это ты брат мой зря так, обо мне..., – заулыбался в ответ Егор, а потом продолжил невпопад. – Я вот всё никак в толк не возьму, кто тебя придумал в эту душегубку засунуть?

– Мамка, она меня там от всех прятала, а носью, когда все хлапели, выпускала погулять.

– А зачем прятала то?

– А стоб не длалися.

– Вон как, – Егор понимающе покачал головой. – Ну и житуха у тебя была.

Мальчишка согласно кивнул. Судя по выражению лица, он совсем не сокрушался по поводу своей нынешней жизни, которую устроили ему его родные. Привык, не зная ничего другого. Нарезая круги вокруг своего старшего собеседника, Василёк радовался свободе и тому, что добрый дядька не ругался и не гонял его, а очень даже уважительно с ним обходился. А чего ещё нужно для полного счастья то? Правда, пузо урчало от голода, но это ничего, терпимо. Мамка придёт и накормит, она у него добрая, когда не пьёт...

Горыныч, глядя на виражи, которые закладывал белобрысый худенький мальчуган, приветливо ему улыбался, а внутри у него скребли кошки. Было мучительно стыдно перед этим пацаном, которого лишили детства и не только его близкие. Вспоминая свою жизнь и ту работу, которую ему приходилось выполнять, он никак не мог взять в толк: зачем, а самое главное для кого её делал. Ведь отдавая всего себя без остатка, свято верилось в то, что светлое будущее не за горами.

В рот компот!!!

А сколько он потом видел в переходах и на вокзалах голодных детских глаз, которым не то что «светлого», НИКАКОГО будущего не светило!!! Смотрел на то, как в богатом государстве погибало целое поколение молодёжи. Слышал всякие истории рассказывающие, как за еду, «за два кусочка колбаски», взрослые выродки глумились над такими вот мальчишками и девчонками. В голове не укладывались мысли о том, что беспризорных ребятишек вокруг бегало больше, чем после Великой Отечественной войны...

Как такое могло произойти?

За что, его великий и могучий народ вёл борьбу на уничтожение собственных детей, по сути, своего будущего?

И самое страшное, что никому до этого не было дела!!!

НИ-КА-КО-ГО!!!

Кто бы и чтобы по этому поводу не тряндел, суть происходящего не менялась. Откормленные толстомордые дяденьки и холёные расфуфыренные тётеньки, которых непонятно каким ветром вынесло в коридоры власти и на телевидение, с озабоченным видом разглагольствовали о том, как непросто решить этот щекотливый вопрос. С какими трудностями сталкиваются те или иные ведомства, чтобы согласовать, договориться, поделить ответственность, а самое главное денежные потоки (выражение-то, какое придумали!!!) между теми, кто за это должен отвечать. Егор как-то видел одно из выступлений таких вот радетелей за будущее России, в переходе, у аудио-будки, по телевизору, который исходил красными пятнами от стыда за то, что показывал. А выступающим, в далёкой киностудии, было неплохо и даже очень комфортно! Они озабоченно хмурили бровки, поджимали с деловым видом пухленькие губки и говорили, говорили, говорили...

Может именно поэтому водка, которую он жрал всё последнее время, имела солоноватый привкус – привкус мужских слёз. Заливаясь до бровей, бывший «Воспитатель», как с благоговейным трепетом называли их в войсковых подразделениях, в разных частях света, попросту маскировался в пьяном угаре от людских глаз. Прятался, не зная как помочь той беде, которая обрушилась на его страну. Страну, которая сделала его ЗАЩИТНИКОМ, а он не в силах был ничего сделать...

Сам!!! В одиночку!!!

Теперь же, глядя на «метеор», который в очередной раз просвистел мимо, взбрыкивая оттопыренной попой, он будто прозрел. Всё для него вдруг стало просто и понятно. Мысли, которые одолевали его последнее время, грозя довести до суицида, приобрели необыкновенную ясность. Судьба, сыгравшая с ним злую шутку, выдернув его из привычной среды, сжалилась, давая шанс. В «мировом масштабе» ситуацию он изменить был, конечно же, не в силах, но конкретно для этого пацанёнка, обязан. Обязан был заменить ему непутёвых родителей, вернуть детство с игрушками и конфетами, наконец, обустроить уют с мультиками и Новогодней ёлкой, в своём доме...

«Благими мыслями, да дорогу в рай!» – хмуро усмехнулся Егор, шаря по карманам. Ответ был известен заранее: здоровенная дырка в левом и куча какой-то трухи с утонувшей там зажигалкой в правом. Начинать новую жизнь было особо не с чем. Всего имущества – сумка, да байковое, выдавшее виды одеяло, которое в ней лежало. Как раз подходящий набор для вступления в новое светлое далёко.

– Ничего, Василёк! Ничего!!! – рыкнул Горыныч. – Пока мы живы – мы не умерли!

– Ты сего? – мальчишка притормозил возле Егора.

– Да так, знаешь, вырабатываю диспозицию...

– Сего-сего?

– Ну-у, план действий обдумываю.

– А-аа, – с пониманием закивал тот головой. – Думаес в какой мы магазин падём, да?

– Ну-у, – затеребил свой загривок парень. – До магазина нам ещё далеко. Надо сначала денег раздобыть.

– А сего, у тебя их нету?

Гор покраснел, как невеста на выданье. Стыдно было оправдываться перед тем, кому он, собственно, собирался делать красивую жизнь. А потом, авторитет опять жиж на дороге не валялся – один раз в грязь уронишь, во век не отмоешься.

Пауза затягивалась...

Чистые голубые глаза смотрели на него, ожидая ответа, а он пыхтел, хлопал глазами и ... всё!

В голову, как назло ничего правдоподобного, в смысле оправдания не лезло. Язык, который всегда был нормально подвешен, онемел, и «щёки дуть» важно закатывая при этом глаза, никак не получалось. Со стороны картина смотрелась, наверное, жутко уморительной, но Егору, если честно, было не до смеха. Помощь пришла, откуда не ждали.

– Потелял сто ли?

– Ага! – облегчённо затряс головой взрослый дядя, вытирая разом вспотевший лоб.

– Сяс, подовзди, – Вася нырнул в свою заветную сумку и вытянул оттуда свёрнутый из носового платка узелок. – На, бели.

– Чего это? – нахмурился Гор, опять рдея ушами. – Заначка что ли твоя?

– Не моя, мамкина, – улыбнулся мальчуган. – Она на сёлный день плятала.

– Смотри ты, какая она у тебя запасливая.

– Неа, она забыла, а я не напоминал, – пацанёнок беззаботно махнул рукой и вдруг спросил невпопад. – А сего такое – сёлный день?

– Понимаешь, Вася, в жизни каждого человека..., – начал учительским тоном Егор.

- Неа, не понимаю, – бесцеремонно оборвал его малыш, ковыряясь в носу.
- Ну, короче, я тебе в двух словах скажу.
- Сказы...
- Это когда жр... в общем, есть нечего, а очень хочется.
- И деньгофф нету?
- Ни денег, ни еды, – Егор махнул рукой. – Ни шиша нету!
- Хленовато! – расстроился мальчишка и насупил брови.
- Оп-па, напарник, – мгновенно отреагировал Горыныч. – А ты ещё много всяких ругалок знаешь?
- Много, – тут же обрадовался малыш, забыв о грустном. Судя по тому, как заблестели его глаза, в этом можно было не сомневаться.
- Так вот, уважаемый коллега...
- Кто-кто?
- Не перебивай старших, – попытался сделать страшное лицо Егор. – В общем, давай договоримся. Дело в том, что я оч-чень не люблю, когда при мне ругаются всякими нехорошими словами, тем более мои напарники.
- А напалник это кто такой?
- Это мой помощник, с которым у нас всё пополам.
- Фсё,фсё? – восторженно захлопал в ладоши мальчуган.
- Всё,всё, – утвердительно кивнул головой Горыныч. – То есть мы одна команда, которая сможет выжить только тогда, когда будет делать всё сообща, а младшие будут слушаться старших.
- А лесли слусались-слусались, а потома лаз тока и не послушались, сто тогда?
- А ты-то сам чтобы сделал, если бы тебя «раз и не послушались»?
- Я бы? – мальчишка почесал затылок, а потом обрадовано закончил. – Я бы – по сее!
- Ну вот, ты сам и определил наказание...
- Тока, стобы не больно, – попытался смягчить будущие трёпки маленький хитрец.
- А это уж как получится...

Из ложбины, доверху заваленной всяким разным мусором, они выбрались наверх и осмотрелись.

- Ёлы-палы! – присвистнул Егор. – Это как же мы здесь с тобой очутились?
- А ты сяс залугался? – уточнил мальчуган.
- Нет, Вася, – отмахнулся от него парень. – Разве это ругань, так, баловство! А потом от таких дел ещё и не так заговоришь!
- От каких дел? – закрутил головой пацанёнок в недоумении.
- Да понимаешь, напарник, чё-то я совсем запутался. Под землю мы с тобой залезли в центре, на Садовом, а вышли на верх в Коломенском...
- Хде-хде?
- Коломенское, район, где раньше цари-государи наши летом отдыхали, – покрутил перед собой руками Горыныч. – За зиму делов натворят в Рассее-матушке, а по-весне сюда, на отдых, от трудов праведных. Здесь у них летняя загородная резиденция была...
- А кто такие цали-госудали, а сего такое лизинция? – забросал вопросами малыш. – А ета Лосия...
- Та-ак, стоп, машина, – остановил его Гор. – Я вообще-то слышал о том, что молодёжь в юном возрасте жутко любопытная, даже сам таким был, наверное, но ты меня так не атакуй!
- Посему ета?
- Я ж привыкнуть должен, а потом, если я начну на все твои вопросы отвечать, мы до еды никогда не доберёмся. Погибнем, от голоду!!!

- Сутис, да? – недоверчиво задал ещё один вопрос Вася и робко улыбнулся.
- Да, в общем-то, нет. Давай ещё об одном договоримся, ты вопросы собирай, а потом, когда я тебе разрешу, будешь спрашивать. Лады?
- Плохо, – мальчишка загрустил. – Я позабуду много...
- Ничего! – ободрил его Горыныч. – Новых знаешь, сколько будет, мы ведь не один день живём – времени вагон.
- А как зить мамка, она плидёт и забилёт меня...
- Да уж, вопрос, – призадумался Егор, а потом заулыбался. – Только её скоро не будет. Она уехала по делам, надолго, и вернётся не быстро.
- Тосьно?
- Бл..., ой! – Гор прикрыл ладонью рот и замолчал.
- Ага!!! Залугался? – восторженно завопил мальчишка.
- Ну, нет, ну чего ты? – начал оправдываться старший. – Я жиж остановился...
- Лана, – сменил гнев на милость Василёк. – Тока я по сее то зить буду длаться, стоб по-сесному было.
- Согласен, – одобрительно махнул рукой Горыныч. – По-честному, так по-честному!
- Мальчуган довольный кивнул головой, но тут какой-то звук в густых недалёких кустах отвлек его внимание и он полез в дебри. Буквально в последний момент Егор успел прихватить его за шиворот и подтянул к себе.
- И вот ещё что, напарник, – слова, произнесённые серьёзным тоном, заставили угомониться, заартачившегося было пацанёнка. – Всё вокруг какое-то странное, поэтому от меня ни на шаг – это приказ!
- А сего такого? – попытался заспорить мальчишка. – Делевья и кустики, в лесу так...
- Вот-вот, – нахмурился старший товарищ. – А я помню эти места, как хорошо ухоженный парк. Да и тихо здесь почему-то, хотя дорога рядом...
- А сего, а мозыт они кусают...
- Эх ты, бедолага, есть так хочешь, что про другое и не думается. Даже машины разогнал на обед?
- Ага, – обрадовано закивал головой Василёк. – Осень охота!
- Ладно, – с пониманием улыбнулся Гор, прислушиваясь к урчанию в собственном животе. – Давай глянем на сокровища твоей мамки и двинем в сторону метро. Там мы точно чего-нибудь да раздобудем из съестного.

Разбогатеть у них не получилось: какие-то стеклянные бусы да золотое обручальное колечко, вот и всё! Впрочем, для того, чтобы кое-как протянуть денёк-другой им хватало, а дальше что-нибудь да придумалось бы. На том и порешили, ничуть не сомневаясь в своей удаче.

Идти было недалеко. Удаляясь от Москвы-реки, они точнёхонько выходили на Проспект Андропова. Лёгкая прогулка через парковую зону и никаких проблем. Там, впереди, их ждал тротуар, а дальше пятнадцать минут и жилой массив, так сказать цивилизация: киоски, хот-доги и Пепси-кола. Хотя, Егору больше по душе было пиво, но, похоже, что с горячительными напитками пора было завязывать. Горыныч вздохнул, сам, ещё не решив для себя, с облегчением или с грустью и нырнул в густые заросли.

Сзади сопело, пыхтело и ругалось, значит, Вася шёл следом. Шуму от него было как от стада слонов, но сдаваться он не собирался. На предложение своего попутчика продолжить путь обычным порядком, то есть в сумке, мальчуган наотрез отказался. Впрочем, Гор и не настаивал.

Не до того было! Он искал пешеходные тропинки, по которым легко шагалось в этих местах, но вот что удивительно – не находил.

Неповторимый храм-колокольня Георгия Победоносца на высоком речном берегу, послуживший ему ориентиром, скорее ввёл в заблуждение, чем помог. В памяти отложилась совсем другая обстановка, которая в данный момент не соответствовала тем воспоминаниям.

Смутная тревога закралась в сердце...

Такого просто-напросто быть не могло. Ухоженный заботливыми людскими руками исторический заповедник куда-то исчез. Вокруг стояла непролазная чаща, дикая и враждебная. То, что его соплеменники десятилетиями вылизывали и обихаживали, превратив в очень приличное место отдыха со всяческими аттракционами, катаниями на лошадях, кафешками и рестораничками на каждом шагу, всё куда-то исчезло. Будто не было ничего такого и в помине.

Никакой цивилизации...

Никакой Москвы!!!

Хотя, стоп!

Далёкий звук натужно подвывающего мотора, словно сладкая песня, ласкающая слух, долетел издалека.

– Порядок, Васёк, не так всё плохо!

– Сего-сего?

– Порядок, говорю, – потрепал по голове попутчика Егор. – Давай поживее, на помойке передохнули, а тут надо шевелить...

– Сем ета? – не выдержал долгой паузы мальчуган, заглядывая в глаза старшему товарищу.

– Вот, грёбанный насос! Как, оказывается, тяжело общаться с молодёжью...

– Ты сяс пло сего сказал?

– Это я в том смысле, что мозги совсем закисло. Слов не хватает. Минуту думал, пока вспомнил, что шевелить нужно ногами, а не тем, что между ними находится...

Вася удивлённо уставился на Горыныча, собираясь, по всей видимости, задать какой-то вопрос, но не успел. Несколько взрывов, а затем короткие автоматные очереди загремели в той стороне, куда они направлялись.

– Ого! – мальчишка отреагировал мгновенно, восторженно округлив глаза. – Тама войнуска! Побезали...

– Стоп, машина! – Гор остановил торопыгу, оглядывая близлежащие деревья. – Посидишь наверху, вместе с сумкой, только тихо. Я вернусь, посмотрю, что там и вернусь.

– А как зить я? Я то зить хотю...

– Василёк, у меня нет времени с тобой спорить, а там может быть опасно, поэтому заберишь повыше и сиди. Ни звука! Место я запомнил...

Войнушка продолжалась недолго.

Автоматные очереди смолкли так же внезапно, как и начались. Впрочем, Егор подобрался уже совсем близко, чтобы успеть глянуть на разборки непонятно кого, да ещё в таком месте. Всё-таки стрельба в центре столицы как-то не укладывалась у него в голове, поэтому в какой-то момент ему показалось, что это сон: очередная бредятина, которая вцепилась в него мёртвой хваткой после принятого на грудь накануне. Такое уже с ним бывало поэтому, привалившись к остаткам кованого забора, некогда отделявшего парковую зону от проезжей части, Гор принялся то щипать, то хлестать себя по физиономии.

Было больно...

Пару раз он врезал себе так, что в голове зачирикали птички: очень хотелось очнуться на Курском, в компании алкашей. Такое пробуждение ему подходило гораздо больше, чем нынешние дела – непонятные, пугающие!

Даже страшно было подумать, что в итоге могло произойти, если вокруг творилось, не разбери, поймёшь.

Ну не мог же он на самом деле пробухать такие события!!! Хотя-а-а, мастюха катила в последнее время, только держись...

А чего держись, кого держись?

Вспомнить то особо было и нечего, как не жмурься. Может, поколдовать надо было, вдруг поможет, типа: «Во нажрался, во нажрался, во нажрался!!!» В детстве так сам себя уговаривал, убеждал с закрытыми глазами, в ожидании чуда и исполнении тайного желания...

Егор потихоньку открыл глаза: «В рот компот!!!» Ничего не изменилось. Более того, сквозь густой кустарник он увидел Проспект Андропова, вернее то, что от него осталось: широкий просёлочный тракт, заросший травой, а кое-где даже низкорослым кустарником. Со всех сторон бывший важнейший городской путепровод окружала стена деревьев, которые наступали плотным строем, сомкнув свои ряды. Кстати, небезуспешно наступали: молодая поросль уже плотно обосновалась среди остатков асфальта, занимая своё место под солнцем. «Мама дорогая!!! Да чё происходит-то, в натуре! Куда это меня занесло, а?» – допаниковать ему не дали. Чуть в стороне, откуда несло гарью и смертью, закричали: грубые мужские голоса орали от восторга, женщина – от страха.

Егор аккуратненько выдвинулся вперёд, чтобы рассмотреть всё получше...

Глава 2

– Хлопцы, та на кой чёрт здалася нам эта москалька? – сокрушался вислоусый невысокий вояка в непонятной униформе, правда с аксельбантами и всякими маскарадными хохоряшками. Расстроенный он тащил несколько автоматов за своими подельниками, которые, гогоча и улюлюкая, волокли к деревьям, упирающуюся молодую женщину. – Была же указа – в зоне ответственности нашего отряда встренуть о той специальный конвой.

– Та ладно, Петруччо, – красномордый толстозадый здоровяк отмахнулся в его сторону. – А мы хйба не встренули? Вона как встречаем!

– Точно! – довольно осклабился ещё один, крепко прихватив ноги пленницы. – Ща мы её допросимо, с пристрастием...

– А потом? – вздохнул недовольный Петруччо. – Хйба ж от неё шо то останется.

– Сволочи, подонки!!! – зашлась в яростном крике несчастная. – Так то вы службу несёте, соскучились, да? Мало вам проституток...

– Тю-у, хлопцы, я иё трогать не буду. Вона ж бешеная, ещё покусает!

– Да лан тебе, Петро, нехай себе орёт, – опять попытался успокоить своего дружка мордатый. – А ты, курва расейская, чего разошлась! Много ты про нашу жизнь здесь знаешь? Попробуй у панов командиров чего-то выпроси, как же!!! А потом, ты бабёнка здоровая, нас шестерёх легко обслужишь, не рассыплешься.

– Тока, хлопцы, – опять загундел вислоусый. – Её надо отдать Темиркану обязательно, нехристю этому, вместе со всем грузом, как договаривались.

– Та не боись, Петруччо, кому ж охота свою голову подставлять, – посерьёзnel тот, что держал ноги. – Мы хоч и ограниченный контингент, неприкосновенный, но с Серыми липше не шутковать.

– О тож! – вздохнул низенький брюзга, положив в кучу оружие. – Заткнить ей рот, зараз я помогу её растянуть. Та не, не так. Микола, старшой наш, любит сзади работать...

Егор подобрался почти вплотную к насильникам, особо не маскируясь. Четвёрка бравых вояк не замечала ничего и никого вокруг, устраивая поудобнее свою жертву. Женщина уже не брыкалась, понимая всю бесполезность этого сопротивления. Уткнувшись лицом в густую траву, она глухо рыдала, вздрагивая плечами, затянутыми в пятнистую армейскую униформу.

– Зараз, зараз, хлопцы. Вже иду, – здоровенный бугай, который помогал перекладывать ящики из подбитого, отмеченного красным крестом БТРа в целую машину, торопливо махнул рукой. – Ну, шо там, Сёма, ещё много?

– Неа, последний, – боец без каски спрыгнул на землю. – Кажись всё!

– О то добре! – обрадовано хлопнул в ладоши старший в этой группе. – Пошли, а то у нас там народ заждался.

– Та ничё, не опоздаем...

– Э-ээ, не, не скажи. Темиркан любит порядок. Договорились в четыре, значит, к этому часу надо быть и так будем оправдываться – почти всех постреляли.

– Так хто ж знал, шо они так будут сопротивляться...

Дальше Горыныч слушать не стал. Решение было принято практически сразу, как только он увидел и понял, что к чему. Лучшего момента быть не могло: четверо держали свою жертву, двое подходили и были уже рядом, в пределах досягаемости. Вся шестёрка настроилась совсем не на боевой лад, и мысли у этих шакалов сейчас работали только в одну сторону. Без оружия, brave вояки, по крайней мере, на первоначальном этапе особой опасности для него не представляли, хотя у бугая и висела на ремне кобура. Правда, старший тут же помог Егору и решил эту задачу, расстёгивая и отбрасывая портупею в сторону. «Да уж! – довольно оскалился Горыныч. – Похоть фраера сгубила!!!»

Потом, всё было, как всегда...

Его нападение, конечно же, было неожиданным, впрочем, по-честному этим ублюдкам никто войну объявлять и не собирался: процедуру бросания перчатки в лицо и вызова мерзав-

цев на дуэль, Гор опустил. На секунду задумавшись о захвате пленных, решил, что рассказа женщины вполне будет достаточно для того, чтобы въехать в окружающую обстановку и начал действовать.

Тесак, захваченный в утренней схватке, подтвердил своё славное боевое прошлое. Остро отточенный, он легко вспорол шею вместе с сонной артерией одного и без труда достал сердце сидевшего рядом противника. Двое других, обосновавшихся у головы девушки, держа её за плечи и руки, умерли мгновением позже. Егор не геройствовал и действовал так, чтобы добиться эффективного результата в максимально короткий срок. Тех, что подходили, он исключил из списков живущих, подхватив с земли автомат. Один из них попытался, что-то заорать, наверное, хотел уговорить, упросить остановиться, надавить на слезу рассказом о малых детях, но на Горыныча такое не действовало. Тем более, после всего им увиденного. Гор никогда не вникал в побудительные мотивы, которые двигали бандитами и насильниками, по собственному опыту зная, что это в итоге, рано или поздно выходило боком и не только тому, кто проявил милосердие. Как правило, от этой рвани, в основном страдали ни в чём не повинные люди – он их и не жалел. Перечеркнул длинной очередью, захлебнувшись последним криком две мишени и всё!

Наступила тишина...

Женщина, перестав рыдать, пошевелилась и повернула голову в его сторону, всё ещё не веря в то, что свободна.

– Что, мадам, видок у освободителя непрезентабельный? – Егор заговорил, спокойно, так, будто ничего и не произошло. – Я тут проходил мимо, увидел, что вы не согласны с тем, что происходит, и решил помочь. Вы не против?

Недавняя жертва, сменила позу, медленно усевшись на землю, и замотала головой, одновременно пытаясь поправить растрепавшиеся волосы и вытереть слёзы. Делала она это скорее инстинктивно, ещё не очень понимая, что происходит вокруг и, не зная, куда деть дрожащие руки. Взгляд её растерянный бегал из стороны в сторону то и дело, возвращаясь к Горынычу.

– Их уже нет? – и получив утвердительный кивок, продолжила. – Что вы собираетесь со мной делать?

– Сначала обо всём расспрошу...

– А потом? – говорившая, судя по интонации бояться, не перестала, то и дело, вздрагивая всем телом.

– А потом..., – Егор на мгновение умолк. – Соберу всё тут и решу.

Девушка нахмурилась, но промолчала, внимательно наблюдая за тем, как он сноровисто потрошит карманы и собирает в кучу трофеи. Чувствуя на себе настороженный взгляд, Гор пару раз улыбнулся, представляя себя со стороны. Его внешний вид оставлял желать лучшего, и это было мягко сказано. На Робин Гуда, освободителя всех угнетённых, он никак не тянул, скорее уж на Бармалея и расположить к себе человека, который только что был на волосок от серьёзных неприятностей – это ещё надо было суметь. Как подступить к ошетинившемуся всеми имеющимися в наличии колючками существу он не знал.

Разучился!!!

Потерял квалификацию в общении с нормальными людьми, а тем более с противоположным полом.

«Ну и чего делать? – вопрос был классическим, почти как у Шекспира. – Надо бежать за Васей и эту, потерпевшую, отпускать нельзя. Она единственный пока источник информации. И как дальше? Связать её что ли? Ага! Потом хрен чего от неё добьёшься! Вот, блин! И попросить её подождать, типа, шас вернусь, тока за другом сгоняю... хех, только я её и видел!»

Задача мирным путём не решалась, никак!!!

Не было ни аргументов, ни помощников с соответствующей степенью доверия, хотя...

Знакомое пытение донеслось до слуха Горыныча, разом всё решив.

Мысленно благодаря вышние силы, которые помогли ему с данной проблемой, молодой человек, тем не менее, сурово сдвинул брови, обращаясь в сторону кустов.

– А ну, папуас, давай, показывайся!

– А сего ты длазнисся, а?

Вздрогнувшая при первых словах рыжеволосая незнакомка, с недоумением уставилась на малыша, который с виноватым видом показался из зарослей. Большая сумка цеплялась за всё, что попадалось на пути, но мальчуган не выпускал её из рук, героически преодолевая все препятствия.

– Я где тебе сказал меня ждать?

– А кто такой папуас? – попытался проигнорировать заданный вопрос белобрысый хитрец.

– Кто надо, тот и папуас!

– А ты зить говолил мне, фто я твой напалник...

– Ты от ответа не уходи.

– А мозыть я к тебе на подпомогу бёг!

Безысходность и страх, вцепившиеся мёртвой хваткой в свою жертву конфузливо ретировались, понимая, что здесь им больше делать нечего. Женщина похожая до этого на сомнамбулу начала приходить в себя. Защитные барьеры, которые выстроило её сознание, чтобы сохранить организм в рабочем состоянии, без ущерба для психики, рушились на глазах.

Мирная перебранка людей совершенно непохожих на бандитов окончательно привела её в чувство. Вернула способность адекватно воспринимать окружающую обстановку и то, что происходило вокруг. У рыжеволосой наступил «приход», так называемое состояние, когда всё заканчивалось: бой ли это был, либо ещё какое активное действие. В любом случае, напряжение спадало, и наступал мандраж, когда мозги всё же догоняли ноги, и человек начинал осознавать, чтобы было, если бы...

Похоже, что дамочку тоже «накрыло» и она опять разрыдалась только уже по делу, вновь переживая недавние события. Егор и Вася молча топтались на месте, не зная, что предпринять. Мальчишка, было, дёрнулся в сторону машин, но зверское лицо старшего товарища остановило его.

Так они и стояли какое-то время.

Наконец молодая женщина совладала с собой и, поднявшись с земли, побрела в сторону подбитого БТР-а. Горыныч, подхватив под мышку напарника, который на удивление покорно повис в руке, направился следом.

Железный монстр стоял, ткнувшись тупой бронированной мордой в глубокую рытвину. Его стальное сердце навсегда затихло, ненадолго пережив своих хозяев. Несколько человек внутри распластались в неестественных позах и рыжеволосая, увидев это, вновь зарыдала.

– Сего она, как девсёнка, плям? – пропыхтел потихоньку мальчуган.

– Эхх, братишка, – также неслышно ответил Горыныч, опуская того вниз. – Так это ж не игра – это по-настоящему.

– Извините меня, – девушка повернула заплаканное лицо в их сторону, всё, разобрав, как они не старались. – Я сейчас, – она всхлипнула с надрывом. – Я справлюсь!

Егор молча полез в рядом стоящий броневик, что тут скажешь? Вася, просочившийся за ним, обалдело затих. Глаза его бегали по внутренностям боевой машины и восхищённое «Ухх ты!» – это всё, на что он был способен. Правда, ступор был недолгим, да и сзади его подтолкнули, заставляя освободить проход. Пацанёнок потянулся в сторону оружия, но наткнулся на увесистый кулак, который недвусмысленно разъяснил ситуацию.

– Василёк, если ты хотя бы до чего-нибудь дотронешься..., – грозное предупреждение возымело должное действие: мальчишка застыл на месте, даже не решаясь дышать.

– А сего мозна? – всё же попытался определить границы дозволенного маленький хитрун.

– Ничего! – как отрезал Горыныч, уже приблизительно зная, как обращаться с малышом и на всякий случай пристегнул его ремнями безопасности, усадив на заднее откидное место.

– Надо ехать, – вмешалась рыжеволосая.

– Как это, а похоронить, милиция, протоколы там всякие...

– Ты что, с Луны свалился что ли? – девушка уставилась на него, как на умалишённого. – Какая милиция, какие протоколы? Хочешь, чтобы за нами зверьё увязалось? Нам и так повезло! – после короткой паузы она вдруг стиснув зубы, с остервенением продолжила. – Ноги в руки и ходу отсюда!

– Ааа, ну да, ну да! Щас только барахло наше соберу...

– Водить-то хоть умеешь?

– Обидеть хотите, мадам?

Говорившая скривилась как от зубной боли услышав к себе такое обращение, но промолчала, а Гор решил не усугублять ситуацию, потом всё выяснится, и, прихрамывая на левую ногу, кинулся за трофеями, добытыми в честном бою.

– Тебя что, зацепило? – спросила рыжеволосая, внимательно наблюдая за тем, как осторожно усаживается в водительское кресло Егор.

– Не здесь и не сейчас, – улыбнулся Горыныч. – Давно было, в прошлой жизни.

– А-аа, – облегчённо вздохнула девушка. – Тогда хорошо, тогда поехали.

– А чего хорошо-то?

– Слушай, хватит из себя клоуна корчить! – серо-зелёные, слегка раскосые глаза незнакомки самую малость прищурились. – Сейчас не до шуток, заводи и погнали отсюда.

Гор молча проглотил грубоватую отповедь, сам себе удивляясь. Зато не стерпел Василёк.

– А-аа сего ета ты тута командываис? Т-тты хто такая... – от возмущения он даже стал заикаться.

– Ника!

– Сего?

– Меня зовут, Ника, – девушка нахмурилась, и как-то по-детски шмыгнув носом, продолжила. – Вот ещё что, вы меня простите, перенервничала я и... спасибо вам, за всё!

Весь боевой дух пацанёнка на этом закончился. Он пробубнил что-то невнятное и затих, словно воды в рот набрал. На помощь ему пришёл старший товарищ.

– Ну что ж, тогда и мы представимся. Этого геройского героя зовут Василёк, а меня мама Егором прозвала, а друзья Гором или Горынычем, в зависимости от обстоятельств. Кстати, благодарить нас не за что, так поступил бы каждый мужчина на нашем месте...

– Тосьно, – встрял мальчуган и веско закончил. – Муссины мы!

Последняя фраза заставила улыбнуться всех. Егор хмыкнул, запуская мощный движок, который тут же чутко откликнулся на команду, а Ника обернулась из кресла стрелка-радиота, чтобы повнимательнее рассмотреть малолетнего говоруна. Тот завозился, пытаясь принять максимально независимый вид. Внимание взрослых было приятным, чего уж говорить, когда тобой интересуется женщина.

Грех было не повыпендриваться!

Правда героическая поза никак не получалась. Вот если бы автомат в руки или на крайний случай ножик. Да и ремни эти, пристегнули как собаку на поводок, разве ж так напарники поступают...

Вася пригорюнился, заметив, что интерес к нему ослабевает. Единственный способ, который действовал на девчонок безотказно – совершить какой-нибудь подвиг.

Срочно!!!

Опыт хоть и небольшой у него имелся. Надо было только поднапрячься. Проявить себя, показать на что способен. Тысяча вариантов закувыркалось в голове у маленького Дон-Жуана:

от предложения поиграть в догонялки до покупки жевательной резинки, с последующим щедрым дележом. Такие жертвы у противоположного пола соплевого возраста уже проходили. Оценивались высоко, лаская самолюбие и повышая самооценку. Правда «топорщить перья», как выражался Митюня – мамкин ухаждёр, ему доводилось в основном со сверстницами, да и то нечасто. А тут...

Для чего?

Зачем?

Хотя...

Это же очевидно – настоящий мужчина ради женщины готов был на всё, в любое время и в любом возрасте!!!

Впрочем, таких заумностей Василёк, конечно же, не знал и даже до них не догадывался, но очень хотел обратить на себя внимание.

А никак не получалось...

Долгий протяжный вой заполнил собой всё окружающее пространство. Низкие вибрирующие тона проникли даже сквозь стальную броню, заставляя волосы на макушке встать дыбом. Пацанёнок заслышав этот звук перестал пыхтеть и возиться, а Ника вся побелела от страха. Похоже, что девушка испугалась не меньше, чем это было всего каких-то пол часа назад, когда она побывала в руках у насильников.

– Брр-р, аж мороз по коже! – Егор замотал головой. – Это чего тут у вас такое творится? Помнится мне, что подобный рёв я слышал когда-то, когда смотрел «Собаку Баскервиллей»! Только это ж в кино было, а тут...

– Слушай, Горыныч, или как там тебя, – женщина крепко ухватила его за плечо. – Давай поговорим после, не сейчас или, по крайней мере, во время движения, только ради бога, поехали отсюда.

Гор проникся беспокойством соседки, хотя никак не мог взять в толк, чем могут быть опасны какие-то собаки для людей, да ещё запрятанных под толстым слоем брони. Выруливая на середину дороги, он принялся объезжать по дуге подбитую машину, внимательно и аккуратно лова габарит, и тут краем глаза увидел одного из тех, кто пару минут назад предупредил о своём приближении. На опушке стоял пёс во всей своей красе: огромный, грязно-серый, чем-то отдалённо смахивающий на кавказца. Он пристальным взглядом уставился на пробиравшийся мимо него бронетранспортёр, который явно уносил своих седоков подальше от возможных неприятностей и ухмыльнулся широко разинув пасть. Тут Горыныч понял, что бояться такого, наверное, стоит, тем более, если учитывать, что размером он смахивал на какую-нибудь небольшую малолитражку, только ещё и кусачую.

– Слышь, подруга, – парень мотнул головой в ту сторону, где остался зверь. – Давай-ка ты нам всё рассказывай, а то я уже башку сломал от этих дел.

– От каких?

– От каких, каких, – проворчал Егор объезжая очередное препятствие. – Да вот хоть возьми дорогу, это ж вчера ещё был один из самых оживлённых проспектов. Машины по нему неслись под сотню, а сейчас, ползём, как по целине. А Коломенское, разве ж это парк? Там же джунгли натуральные с диким зверьём и собачками величиной с автомобиль. Ну, куда это годится? Вообще в голове не укладывается.

– Тосьно, – поддакнуло сзади. – А исё покусать негде...

– Скажите спасибо, что вами не закусили, пока вы там по кустам ползали.

– Как ета?

– А так, – спокойно ответила девушка. – В этих местах люди уже давно не гуляют, опасно.

– Почему опасно? Мы что, не в Москве что ли?

– Да в Москве, в Москве! Только странные вы какие-то. Ладно, сейчас я вам чего-нибудь дам пожевать, а потом будем разбираться...

Машина потихоньку катила по Каширскому шоссе, вернее по тому, что от него осталось в сторону МКАД, мужчины жевали галеты с колбасой, а Ника рассказывала.

– Я уж не знаю, откуда вы свалились, но ничего нового собственно не происходит. Москва продолжает умирать никому не нужная, впрочем, как и все крупные города, Россия разваливается, народ, вернее остатки, те, которым некуда бежать доживают свои дни. Вот, пожалуй, и всё...

– Хорошо сказала, – изобразил восхищение Гор. – А самое главное именно теперь всё стало понятно.

– А чего тут непонятного? – возмутилась девушка. – Проще простого, в зонах повышенного интереса народ ещё как-то существует, на остальной территории доживает-выживает.

– А что это за зоны такие?

– Там где идёт добыча полезных ископаемых: нефть, газ...

– Погоди, – Егор возмутился. – А как же правительство, армия, народ, в конце концов?

– Как, как, – скривилась Ника. – Как пришли к власти демократы, в 91-ом, создав управленческий триумвират, так считай, четверть века мы и загибаемся...

– Сколько-ооо? – Горыныч ударил по тормозам, и БТР встал, как вкопанный. Вася, пристёгнутый и разомлевший после еды, промышчал что-то невнятное, тихо посапывая во сне, а девушка успела извернуться, чтобы не расколотить себе голову.

– Слушай, асс-водитель, ты предупреждай в следующий раз, когда захочешь показать своё мастерство, – негромко зашипела она. – И давай потише, а то сына своего разбудишь.

– Он мне не сын.

– Как это?

– А вот так, – вздохнул Егор. – Вернее сын, только не мой.

– Интересно, – улыбнулась девушка.

– А ты бы знала, как мне сейчас всё стало интересно, – Горыныч по-обыкновению почесал затылок и неспешно заговорил, вспоминая все подробности последних месяцев.

Стальной монстр застыл на взгорке, перед спуском к Борисовским Прудам, чутко прислушиваясь к тому, что происходит вокруг. Послеобеденное светило попыталось расшевелить важную персону и поиграть с ним солнечными зайчиками, но от этого было мало толку. Пару раз, сверкнув немногочисленным стеклом приборов внешнего наблюдения, бронетранспортёр отмахнулся от надоеды своими пулемётами, показывая, что ему нет дела до забав. Серьёзный и значительный, железный зверь тихо порывивал выхлопной трубой, охраняя своих новых хозяев.

– Да уж-ж, – девушка, дослушав рассказчика до того момента как они встретились, казалась озадаченной, но не более того. – История-а...

– И я тебе не кажусь сумасшедшим?

– Можно было бы предположить, что у тебя с головой не всё в порядке, да и выпить, судя по выхлопу, ты не дурак! – на смутившегося от такого вывода собеседника она не обратила внимания, рассуждая и анализируя вслух. – Только куда в таком случае деть твоего мальчишку, да и все твои воспоминания обрываются, как ты говоришь 89-ым годом, а сейчас-то уже на дворе – 2014-ый!

– А одежда наша...

– Да ладно, – отмахнулась рыжеволосая. – Видел бы ты, во что сейчас у нас народ наряжается.

– Надеюсь, что увижу.

– Вот-вот, а потом, самый веский аргумент – это твой спутник.

– А чего такого особенного в моём Васильке?

– Хм-м, да понимаешь, дети, а вернее их отсутствие – это то, как раз и есть одна из основных проблем в стране.

– Не понял, – Гор удивлённо уставился на девушку.

– Давай так, ты езжай в сторону кольцевой потихоньку, а я тебе буду рассказывать. Нам ещё до Городка часа три добираться – надо успеть до конца дня, вот и постараюсь ввести тебя в курс дела, если только ты не придуриваешься.

– В смысле?

– Ладно, ладно, шучу я, – Ника попыталась улыбнуться. – Хотя, знаешь, не смешно мне, ребят жалко.

– Ребят всегда жалко, – заиграл желваками Горыныч. – Особенно, если они гибнут по-глупому. Кстати, а в чём была проблема, там, на дороге?

– Проблем, на самом деле целая куча, – девушка повременила с ответом, как-то странно посмотрев на Егора. – Только сразу обо всём, одновременно, я рассказать тебе не смогу. Ты уж выбирай, что тебя интересует больше.

Чутьё, которое не раз выручало его, подсказывая как себя вести в том или ином случае, и сейчас не подвело. Гор почувствовал, как напряглась молодая женщина, как насторожилась. Её глаза, которые только что переливались зеленоватыми бликами тёплого тропического моря, враз заискрились льдистой студёной водой. Будто кто-тодохнул на них изнутри суровым северным дыханием, вымораживая без остатка доверие к окружающему. Ощущая себя, словно сапёр на минном поле, парень сделал всё же правильный шаг.

– А мне всё интересно, но вот, что касается Васи – это вне конкуренции.

Заслышав своё имя, малыш опять завозился во сне, улыбаясь каким-то своим пригрезившимся приятностям. Его освободили от ненавистных ремней и уложили на пол. Завёрнутый в одеяло он был похож на игрушечного пупса, предмет когдатошнего обожания всех девчонок.

– Что ж, – Ника кивнула головой, делая для себя в уме какую-то отметку. – Всё довольно просто – женщин в этой стране заставили отказаться от потомства.

– Ого! – тихо присвистнул Егор. – Ну, ты и сказанула...

– Да нет, я тут абсолютно не при чём! – лёд, всего лишь пару мгновений назад выстроивший непроницаемую стену, сквозь которую, как показалось Горынычу, уже ничем не пробиться на женскую половину, брызнул в разные стороны мириадами мелких осколков. – Говорили-то как раз другие, ничего, кстати, не делая. После того как Советский Союз развалился, а к власти пришли демократические силы, правительство только и делало, что оттачивало своё красноречие. Триумвират, как его все сокращённо называют, вдохновлял опьянённый от счастья народ целой кучей лозунгов и обещаний, которые должны были всем без исключения сделать хорошо. Кстати, по части всевозможных призывов эти ребята превзошли даже своих предшественников, которые несколькими поколениями сограждан рассказывали сказочку о светлом будущем.

– Ну, языком болтать у нас всегда умели, – ухмыльнулся парень и, включив передачу, заставил тронуться машину, потихоньку скатываясь вниз, под уклон. – Впрочем, как и везде.

– Да согласная я, – горячо зашептала Ника. – Только в нормальном государстве, поболтав и нахавав, кто, сколько унесёт, до рулевых рано или поздно доходило, что пора браться за дело и наводить порядок там, где ты живёшь! Чтобы хватило не только тебе, а и твоим потомкам, раз уж так повезло по жизни и вынесло наверх...

– Судя по тому, что я вижу, – Егор кивнул в сторону облезлых и полуразрушенных домов, которые стояли вдоль дороги, поддерживая друг друга обшарпанными боками. – Мы, как всегда, принялись искать свой путь, не похожий на других. Небось, прикрывались российским

менталитетом и особенностями нашего народа, непонятного и загадочного для всего остального мира.

– Известное дело! – девушка махнула рукой. – Казнокрадство и головотяпство нужно же было каким-то образом поначалу прикрывать, а потом осмелели и уже никто и ничего не боялся. Молча делали своё дело, господа чиновники, особо ни на кого не обращая внимания и вот – доделались! Раньше в стране мужики пили беспробудно, а тут, глядя на то, что вокруг происходит, и бабы принялись...

Горыныч потихоньку крался по раздолбанной дороге, вдоль которой стояло покинутое людское жильё, слушал яростный шёпот девчонки и тихо клокотал внутри. Первоначальное обалдение прошло, и скачок во времени, который они совершили с Васькой, оказался элементарной мутатой по сравнению с тем, куда их занесло, и чего ожидало. Ника, какой-то, по всей видимости, научный сотрудник чего-то там, Егор ещё пока не понял, в двух словах разжевала, что Москву давно уже считают одной большой аномальной зоной. Город, стоявший на местах разломов в земной коре и подпитывавшийся земной энергетикой, мощными геомагнитными излучениями и чем-то там ещё, давно перестал удивлять пропажей людей, переносами во времени и прочей всякой чертовщиной, которой не могли дать внятного объяснения. Кстати, Горыныч поймал себя на мысли, что он по этому поводу особо-то и не парится. Его, как таможенника Верещагина из «Белого солнца пустыни» долбила совсем другая мысль – за державу было обидно!

До зубовного скрежета, до звериного рыка!!!

Он пробирался на «броню» по столице своей Родины, которая выглядела как после бомбёжки и тихо дурел от информации, пытаясь понять, как до этого могли докатиться. По рассказу получалось, что от некогда огромной страны, собранной десятками поколений по крупицам, в том числе и его предками, осталась ровно половина. Самым интересным было то, что миллионы жизней, которые были положены на это вроде как в счёт и не шли. Растянув некогда мощное государство и поделив его по национальному признаку, его сначала всячески оболгали, а потом умело запутали в долгах, оказывая «международную финансовую поддержку». В голове у Гора всплыли секретные данные по долгу службы, как-то промелькнувшие перед глазами: цивилизованное сообщество, для которого «русский медведь» был всегда, как кость в горле, разработало систему мероприятий по подкупу ключевых политиков, так как это было гораздо дешевле, чем объявлять войну. Кстати, превентивные меры с использованием грубой силы не гарантировали никакого успеха. История практически всех вооружённых конфликтов, в которых принимало участие Российское государство, заканчивалась с одним и тем же результатом – поражением его противников!

А тут...

Судя по тому, что он успел понять и услышать, а самое главное увидеть – похоже, что они в этом преуспели. Несколько сотен миллионов денежных знаков, умело вложенных в «нужные руки», с лёгкостью справились с поставленной задачей.

От всего этого на душе было муторно и как-то пусто, что ли. Ощущение такое, будто тебя вывернули наизнанку, выдернули всю твою основу, весь костяк, а потом набили нутро какой-то нафталиновой трухой. Егору даже почудился этот резкий давно уже забытый запах, который проступил у него внутри.

– Ты чего кривишься? – смысл сказанного не сразу дошёл до Горыныча. – Ты вообще меня слушал или где-то витал в облаках?

Насупленное лицо собеседницы, так же как и её голос негромкий, но исполненный искреннего возмущения наконец-то обратили на себя внимание.

– Извини, – Гор виновато улыбнулся. – Обалдел я от всей этой свистопляски! – парень неопределённо покрутил рукой перед собой, тщётно пытаясь объяснить своё состояние. – Зна-

ешь, меня хоть и учили как можно быстрее приспособливаться к обстановке, адаптироваться, чтобы выжить, ну-у, в смысле, чтобы жить, но сегодня – это уж слишком!

– Кто учил, где? – девушка, услышав такой ответ, придвинулась к Егору, пытаясь встретиться взглядом с его глазами, словно хотела заглянуть в душу своему освободителю.

– Ну, ты прям как на допросе!..

– А может и на допросе, – нимало не смутившись, прошептала Ника. – Должна же я иметь представление с кем меня судьба свела.

– А того, что я тебе про себя сказал разве мало?

– Родился, учился, работал, пил, очнулся... в будущем, – растягивая слова так, будто пробовала каждое из них на вкус, пытаясь определить, где кроется фальшь. – Только знаешь, ты был очень красноречивым, когда описывал свои юношеские годы и своё недалёкое прошлое, когда слонялся по подворотням и почти ничего не сказал о том, где и кем работал, а между тем, – зелень в глазах девушки куда-то спряталась, уступив место стальным зарницам, сверкнувшим с холодной решимостью. – А между тем, патруль Европейской коалиции ты прихлопнул, словно сонных жирных мух пробудившихся от долгой спячки.

– Да ладно тебе! – усмехнулся Горыныч. – Та шваль так была тобой занята, что с ними справился бы даже Василёк.

– Ты думаешь? – вспыхнула румянцем Ника.

– Уверен, – спокойно, глядя в глаза своей собеседнице, подытожил Егор. – Кстати, а чего за коалиция такая?

– Вся Европа, включая Северную Африку и Ближний Восток, – ответила после небольшой паузы девушка, состроив недовольную гримасу, после того как Гор перевёл разговор на другую тему.

– А куда ж Америка подевалась?

– А я разве не говорила? – недоумение сменилось радостной улыбкой, превратив хмурую женскую физиономию с уже наметившимися морщинами почти в девчачью мордашку, волшебным образом преобразив все черты. – Наш заокеанский мировой жандарм лет десять тому назад попал в такой кризис, что за короткое время растерял свой авторитет, сдулся и сейчас сидит у себя дома, не высовываясь и разгребая свои проблемы.

– Погоди, так это что же, получается? – удивлённо помотал головой Горыныч. – Америкосам дуля с маком, что ли получается?

– Она самая!

– Хех, ну хоть так...

– Так-то так, – погрустнела Ника. – Да только хрен редьки не слаще. Что те, что эти – взяли нас в оборот только держись. Зоны повышенного интереса, которые мы отдали в аренду якобы в уплату за долги, это всё что им нужно, а остальное – выживайте, как хотите.

– А патрули?

– Да считай те же бандиты, только с расширенными полномочиями...

– Выходит – чистота и порядок только там где нефть и газ, а всё остальное – дикое поле?

– Наркотики, болезни..., – принялась загибать пальцы девушка, – ...пьянство, нищета, бандиты и безысходность! – голос её зазвенел, наливаясь яростью, но Васино сонное бормотание заставило сбавить обороты, и она вновь зашептала. – Вот сам и посуди, какая нормальная женщина в таких условиях захочет завести потомство...

– Я б так точно не захотел!

– Да тут дело уже не только в хотении, а и в возможностях...

– Поясни..., – пропыхтел Егор объезжая завал из скрученных электрических столбов вперемежку с какими-то железобетонными конструкциями, которые перегородили дорогу. Ярко-желтая латинская буква «М», эмблема знаменитых заграничных забегаловок, торчала из этой унылой кучи, бодро радуя глаз своей непотопляемостью даже в этой ситуации.

– Вот-вот, как раз в тему! – зло пробурчала Ника, кивая головой в ту сторону. – Они сначала своих людей довели «быстрой едой» до ручки, а потом за нас взялись! – рыжие волосы засверкали огненными оттенками, словно откликнувшись на внутреннее состояние своей хозяйки. – У себя уже давно прекратили потребление некачественной и генномодифицированной еды, в некоторых странах даже законы ввели с огромными штрафами и тюрьмой, а к нам как в помойку вся эта гадость полилась. Мы же практически перестали сами себя кормить, блин! Представляешь, имея сорок процентов всех посевных земель на планете, чуть с голоду не померли!!! Ну, а тут «братская помощь» – лопай до отвала. Правда, несколько учёных попытались выступить против, опубликовав результаты исследований: опыты на крысах дали ужасающие результаты – уже в первом поколении потомство было полностью неспособно к воспроизводству себе подобных. Хех! – девушка горько покачала головой. – Но тут, как ты понимаешь, заработал давно проверенный способ затыкания ртов – деньги! Корпорации, поставляющие продукты питания заплатили кому надо и всё, проблема была решена. Возмутителей спокойствия задвинули в тень, телевидение и радио запело хвалебные дифирамбы спасителям и благодетелям, а потом просто всё затихло. Ну, и народ, кстати, и эти иуды продажные в том числе, принялись трескать отраву за обе щеки.

– Слушай! – Егор с опаской покосился на те пайки, которые они с Васильком не так давно уплетали. – А мы ведь тоже только что ели эту глину...

– А не-е, не бойся, – махнула на них рукой Ника. – Они сейчас для себя, а уж для армии тем более, всё поставляют качественное. Вон видишь зелёные лилии на упаковках, значит, без вредных добавок. Этому можно доверять, проверено, – она потёрла переносицу указательным пальцем, словно прикидывая, всё ли сказала. – Вот, пожалуй, и всё! Ах, да! Резюме всего сказанного – это почти девяносто процентов бесплодных женщин в стране. Кстати, ни крутизна, ни высокое положение не спасли и не помогли в этой беде. Загубленная экология, отравленная вода и продукты, напичканные химией, били по всем одинаково. Этикетки, на которых красовались надписи, гласящие о том, что вредные примеси, консерванты и прочая дребедень отсутствует, так и оставались всего лишь картинками. Бумага, как известно, терпит всё! А вот производители и перекупщики, для которых нажива была, прежде всего, их, к сожалению, контролировать было некому. Да и как, если большинство таких компаний создавалось теми же самыми людьми, в обязанности которых входили закуп и надзор над поставляемой продукцией. Итогом всей этой деятельности явилось то, что даже те, кто мог рожать, в большинстве случаев этому не радовались. Технический прогресс за эти годы шагнул далеко, и более чем у половины женщин уже на ранних стадиях беременности определялись серьёзные отклонения. Дети должны были родиться либо калеками, либо даунами!

– Ну, хорошо, – Горыныч облизнул пересохшие губы. – Но наверняка не все обращались, наверняка прятались, рожали втихаря...

– Вот-вот, – девушка с остервенением взлохматила свои волосы. – Я не хотела об этом говорить, но и молчать не могу. Дело в том, что кроме уродства начали появляться мутанты с аномальными способностями.

– С какими-какими? – переспросил Гор, одновременно кивая головой на указательный жест Ники, который показывал правильное направление движения.

– Не нравятся тебе аномальные, пусть будут необычные, – прошелестело в кабине. – Только это сути не меняло. Всех малышей, которые появлялись на свет, в обязательном порядке проверяли и далеко не всех возвращали родителям.

– Это что означает?

– А то, что и вас на выходе из Московского сектора ждёт проверка.

– О как! – нахмурился Егор. – А из-за чего собственно сыр-бор?

– Всё очень просто. Давно известно, что наш мозг в обычных жизненных условиях задействован на пять-семь процентов, у одарённых людей на девять-десять, гениев двенадцать-пят-

надцать, а что будет, если серое вещество будет использовано на четверть своих возможностей, даже представить трудно. По крайней мере, телекинез, пирокинез, частичная и полная регенерация всех органов причём в очень сжатые сроки – это уже доказанный факт, а такие способности как гипноз, внушение и перемещение в пространстве с огромной скоростью... Как думаешь, для кого представляют интерес такие особи?

– Военные! – заиграл желваками Горыныч.

– Вот именно, они родимые. Только не наши. С отечественными защитниками разобрались ещё лет двадцать назад, прикрыли финансирование, растащили и распродали всё что смогли, до чего руки дотянулись у всех, кто к этому имел хоть какое-то отношение, и всё! Кстати, одна из основных причин, почему нас так легко прибрали к рукам – нечем было врезать по этим самым загребалам! Но свято место, как говорится, пусто не бывает, и явились к нам заграничные специалисты. У себя на местах им разгуляться конституция да закон не позволяет, а здесь – военная помощь, неоговоренная, неограниченная и никому не подконтрольная. Представляешь, как этим деятелям тут вольготно живётся? Понятное дело, развернулись ребята, и «работают» всюду: лаборатории, исследовательские центры, спецзоны! Мало того, что от своих ублюдков спасу нет, так ещё и эти житья не дают: охоты, облавы, спецгруппы и патрули, благо Москва огромный город не только имеющий надземную часть, но и под землёй столько всего нарыто и припрятано – есть, где схорониться, в общем. Так и выживают люди, и не только здесь, а повсюду...

– погоди! – Егор помотал головой, жмуря изо всех сил глаза. – Ты мне правду говоришь или какой-то фантастический роман пересказываешь, чтобы жути нагнать?...

– Жути? – сделала брови домиком Ника. – Тут знаешь, ещё одна проблема нарисовалась в последнее время, – сделав паузу, будто подыскивая нужные слова, она продолжила. – Кроме того, что ты от меня уже услышал, небольшая добавочка имеется – за нами гоняются теперь не только нам подобные, но похоже, что всё зверье какое только есть в округе, ополчилось на людей.

– Какое-такое зверье?

– Этот мегаполис по своей сути большая помойка. Загрязнение химией, радиацией, в том числе продуктами, про которые я тебе уже говорила, создавало и создаёт жуткие, просто гремучие смеси. Кстати, кто их там исследует внизу? Кто знает, как и куда стекают нечистоты и отходы нашей жизнедеятельности. Это ведь только говорилось, что у нас есть канализационные стоки, но их герметичность всегда оставляла желать лучшего, а последние десятилетия, кто там за этим следил! Вот и получилось, что мы, своими ручками, – девушка слегка сконфузилась. – И не только, породили не просто мутантов – монстров, жутких и кровожадных, которые никого и ничего не боятся. Многие районы в городе уже не только ночью, а и днём опасно посещать.

– Та собачка, которую мы видели, из их числа?

– Собаки, про между прочим, ещё не самые опасные существа...

– Мама дорогая, да как же вы тут живёте то?

– Как живём? – Ника криво усмехнулась и, прикрыв свои удивительные двухцветные глаза, устало откинулась на седушку и еле слышно прошептала. – Хре-но-во!!!

Глава 3

Серая мгла, предвестник близкой ночи, с невероятной быстротой отвоёвывала у дневного светила позиции. Солнце, на исходе дня растеряв все свои силы, устало заваливалось за горизонт, отдавая на растерзание холодному сумраку отогретую за день землю. Последние всполохи ещё боролись с подступавшей тьмой, силясь поделиться оставшимся теплом со всем живым, но тщётно – тяжёлая плотная пелена неотвратимо окутывала всё вокруг, с жадностью набрасываясь и гася последние искры животворного огня. Стремительной поступью, но похозяйски, проникая во все углы, добираясь до всех закомарков, угольная чернота расплзалась вокруг, ведя за собой в-поводу своих верных помощников – страх и голод. Именно эта пара, в жутком своём содружестве, до самого утра, брала бразды правления в свои бесплотные руки, заставляя всё живое трепетать в ожидании великой охоты, и никто не знал, чей черёд статься сегодня жертвой...

– Хорошо, что мы успеваем засветло, – облегчённо вздохнула девушка, кивая в сторону странного, похожего на древневековую крепость сооружения.

– Что? Темнота в этих местах не друг молодёжи, да?

– С москвичами уже давно никто не дружит, по этой причине жильё, как правило, на ночь закрывается, а те, кто снаружи, вынуждены дожидаться утра, чтобы их пропустили.

– И как? Дожидаются?

– Не все, особенно в последнее время! – зябко передёрнула плечами Ника.

– А что здесь было раньше? – Егор переменял тему, с удивлением уставившись на экран, который облегчал работу механика-водителя, показывая окружающее пространство в мельчайших подробностях.

– Когда-то, в самом начале перестроечных дел, излишне ретивые, поверившие в сказку, кинулись в бизнес как в омут головой. Эти... – девичья рука ткнула в картинку, на которой выросло ощетилившееся какими-то колючками, шипами и всяческими неровностями, особенно в нижнем ярусе здание. – ...построили торговый центр на кольцевой. Понадеялись на то, что всё пойдёт на лад, даже название придумали такое, хорошее – «Твой Дом»...

– И чего?

– Чего? – Ника встряхнула головой, будто старалась одновременно и взбодриться, и привести себя в должное состояние. – В общем-то, в итоге, это строение и стало очень многим каким-то домом, но я тебя прошу быть здесь начеку.

– Что так?

– Публика здесь всякая разная и хоть порядок кое-какой соблюдается, но голову откусить могут на раз!

– А поподробнее? – Горыныч внимательно присматривался к тому, что его спутница назвала торговым центром, пытаясь найти хоть какую-то отдалённую схожесть с тем, что ему запомнилось из прошлой жизни. Бронетранспортёр, подкатил по извилистой, перегороженной бетонными блоками и стальными ежами дороге к неширокой, но довольно-таки приличной канаве. Все эти препятствия, конечно же, можно было преодолеть, но только не с наскоку. Стена на противоположной стороне, собранная из железных плит, ощетинилась всевозможным оружием, торчавшим из множества проделанных в ней амбразур. Откидной мостик, путь на ту сторону, висел приподнятым на цепях. А ворота, имевшие такой вид, будто кто-то только что пинал их со всего маху, стояли наглухо закрытыми. Фасад выглядел более чем внушительно и, судя по тому, что во многих местах имел свежие заплатки, пользовался бешеной популярностью у тех, кто пытался пробраться вовнутрь без согласия его владельцев.

– Давай, я потом расскажу, – прошептала девушка. – Надо хозяевам показаться.

Ника потихоньку стала отжимать бронированную дверку, чтобы выскользнуть наружу и сразу же пара стволов в узких стрелковых щелях ожили, фокусируя своё внимание на этом. Несколько прожекторов зажглись в быстро сгущавшихся сумерках и поймали в светящийся плен тонкую девичью фигурку. Недолгий осмотр прервался громким скрипом, часть стены куда-то исчезла и из тёмного проёма вывалилась туша центнера в полтора весом, увешанная всевозможной зброей, словно новогоднее дерево ёлочными гирляндами. Рогатая каска то и дело съезжающая на нос не могла скрыть изумлённой физиономии часового.

– Никочка, плелесть моя! – высоким фальцетом закартавил здоровяк. – Какими судьбами? Неужто ты вступила в ляды доблестных хлопцев из коалиции?

– Привет, Бизон! – взмахнула рукой «прелесть». – А чего ты так удивляешься, разве здесь, в Городке, я не желанный гость или тебя что-то смущает? Или ты мне откажешь в приёме из-за того, что я прикатила не на той машине?

– Да нет, что ты! – стушевался здоровяк. – Как ты могла подумать такое!

– Ну-у не знаю, мне так показалось...

– Ах, блось! Не облащай внимания! Сейчас все вокруг такие нелвные! – зачастил Бизон, неуклюже меняя тему. – Лучше скажи, любовь моя, как твои делишки? А впрочем, какие это мелочи! Какая плюза! Ведь лядом со мной богиня!!! Как тебе удаётся так холошо выглядеть, ласклой свою тайну, а? – поток витиеватых с недвусмысленными намёками, но не переходящих границ недозволенного словоизлияний, обрушился на молодую женщину, словно полноводный и неуправляемый водопад, прибывая и ошеломляя своим напором. С грацией носорога, толстомордый ухажёр, не умолкая, тараторил несколько минут, лебезя и сюсюкая, словно пытался загладить какую-то вину.

– Слышь, дамский угодник, – выбираясь на броню, хмуро процедил Горыныч весь, оцепинившись от фамильярностей, которые неслись в адрес его спутницы. – Ты бы пропустил нас вовнутрь, раз такого галантного кавалера из себя корчишь, а потом вопросы задавал!

Наступила нехорошая тишина, нарушаемая лишь скрипом опускающегося моста. Правда, была она недолгой, так как Ника среагировала первой. Увидев, как наливается багрянцем физиономия толстяка, опешившего от такого с ним обращения, она подскочила к нему, ухватив его внушительную пятерню.

– Бизончик, родненький, и то верно! Проводи нас к Хрому, там и поговорим!

– Ну, вот ещё, – заслышав, имя какого-то Хрома, тут же успокоился верзила, сделав вид, что ничего не произошло. – Только, у меня ведь пост, ответственное дело. А потом, кто знает, может и найдётся влемя для тебя и этого, твоего попутчика. Езжайте сколее, вас давно ждут, – он оскалился в сторону исчезнувшего под бронёй Егора. – Глубияны...

– Ты чего с ума сошёл, что ли? – юркнув на прежнее место, прошипела Ника. – Кто тебя просил?

– Я просто заметил, что тебе этот бегемот не по нраву...

– Нравится, не нравится, чего ты встрял? Думаешь это первый раз? И вообще ты хоть знаешь, с кем говорил?

– Ну и с кем же? – усмехнулся Горыныч, направляя машину за проводником, показывающим дорогу на какой-то диковинной двухколёсной тележке, хотя ехать, по сути, особо-то и некуда было. Сразу за воротами поводырь нырнул под землю и, махнув рукой на место парковки в ряду всевозможной самодвижущейся техники, замер в ожидании.

– Этот бегемот, как ты выразился, начальник охраны Городка...

– Вот эта неповоротливая туша, начальник охраны-ы?

– Странный ты какой-то, – покачала головой девушка. – Вроде бы и умелый, и с головой на плечах?

– И что с того?

– А то, – нахмурилась Ника. – Что даже мне, дилетанту, известно, что внешность ничего не значит. Я думала, что ты сделаешь правильные выводы, особенно после того, что от меня услышал. А ты?

– А что, я? – растерялся Егор. – Ты сказала, что надо быть начеку, вот я и начал...

– Вот-вот, просто взял и на ровном месте соорудил нам проблему!

– Сам создал, сам и решу, если надо будет, – проворчал Горыныч.

– Ладно, после драки, как говорится, кулаками не машут! Будем надеяться, что всё обойдётся, только у меня к тебе просьба – постарайся больше никому не грубить, никуда не влезать и ни во что не вмешиваться, хорошо? – получив утвердительный кивок в ответ, девушка с облегчением вздохнула. – Вот и чудненько! Тогда бери Василька в охапку, и дуйте наверх. Славик вам поможет со всем тут разобраться, а я ненадолго отлучусь. Извини, у меня дела! – она улыбнулась на прощание и, выскочив наружу, исчезла, будто её и не было.

Егор психовал...

Он никак не мог простить себе такого непрофессионального поведения, и выговор, конечно же, получил по делу, фраер ушастый. Да только это-то было и обидно! Какая-то пигалица отчитала его как пацана! Правда, деликатно, без грубости, спасибо и на этом. Горыныч, в который раз поймал себя на мысли о том, что здорово расслабился, и собираться в кучу было ой как не просто. События вокруг него неслись с такой скоростью, словно пытались нагнать все те мгновения, которые были упущены, да ещё с поправками и штрафными санкциями. Окружающая обстановка менялась просто вприпрыжку! У кого другого может и крыша б поехала, а ему, похоже, всё было нипочём: башка – броня, а нервы, как стальные канаты. А может, внешние силы давали Гору ровно столько, сколько он мог унести? Передых у него был приличный, вот и задрали планку, учитывая все его умения. Дескать, набрался сил – теперь отдавай, не жадничай. Правда, сколько с него потребуют, кто знал? Хоть бы подсказали: на что рассчитывать, к чему готовиться? Впрочем, судя по тому, что довелось вызнать и понять, впереди была сплошная веселуха!!! Егор, размышляя на этот счёт, шёл за проводником-Славиком, крепко удерживая в руках брыкавшегося и не отошедшего ещё ото сна Ваську. Тот пыхтел, бормотал что-то невнятное, но глаза раскрывать категорически не хотел. Приходилось прикладывать всю свою сноровку, чтобы не выронить его на пол, покрытый толстым пластиком. Благо руки были свободными, так как ни вещи, ни, тем более оружие, ему с собой настоятельно брать не рекомендовали. Сопровождающий их мужичок, блёклый и невыразительный, с шерифской звездой на левой стороне объяснил, что ничего никуда не денется, жизни их ничто не угрожает, а все пожелания будут оплачены за счёт Городка. Горыныч хмыкнул удивлённо, зная, где бывает бесплатный сыр, но промолчал, решив для себя, что подпрыгивать и суетиться пока нет смысла.

Им действительно никто не угрожал, не считая того, что с нижнего яруса они проходили через такие же металлические ворота с пулемётами. Процедура была, наверное, не лишней, и хмурые стрелки пропустили их через рамку с металлоискателем без каких-либо придинок,

спокойно делая свою работу. Хорошо хоть Василёк наконец-то пришёл в себя, хлопая своими удивлёнными глазницами, которые распахнулись ещё шире при виде жилой зоны.

Егор никак не ожидал, что внутри будет так просторно, да ещё и многоэтажно. Верхний ярус приспособили под жильё, судя по тому, как его украсили всевозможным тряпьем, развешанным на просушку, нижний был похож на офисно-едально-складской, да ещё и с производственным уклоном. Помещение, уходящее куда-то вдаль, делилось на боксы с крикливыми вывесками, расхваливающими своё содержимое и мерный гул суетящейся толпы придавал этой картине схожесть с огромным ульем.

– Ух-х, ты-ы-ы! – восторженно протянул мальчуган, тем самым, выказывая свой восторг, но надолго его не хватило. Он весь как-то скукожился и, изогнувшись в руках своего старшего товарища, что-то зашептал ему на ухо, то и дело, подпрыгивая в воздухе тощими ножонками.

– Слышь, Славян! – моментально отреагировал Горыныч. – У нас авария намечается!

– Не понял? – сопровождающий их человек с удивлением уставился на своих подопечных.

– В туалет бы нам, – негромко пробормотал Егор. – И как можно скорее!

– Нет проблем! Санитарных зон у нас несколько, одна из них совсем рядом...

– Тогда побезали, а? – нетерпеливо перебил говорившего Вася.

Лёгкой трусой они припустили вслед за своим провожатым, который, распихивая немногочисленных аборигенов, принялся расчищать им путь. В интересующее их место попасть удалось на самом деле быстро, так что оконфузиться Василёк не успел, но выбираться из отдельной кабинки не торопился.

– Послушай, братишка, – полюбопытствовал Гор. – Пока мой пацанёнок делом занят, поясни, чего это на нас так все глазели? Мы что на людей не похожи?

– С чего ты взял? – шериф пристально посмотрел на Горыныча.

– Да просто народ под ноги кидался, глаза круглил от удивления.

– Ты про это? – Славик слегка нахмурился. – Ника попросила за вами приглядеть, объяснить, что к чему, но не сказала, что у тебя ребёнок.

– А что – это запрещено?

– Да нет, – на бесстрастном лице «экскурсовода», как про себя, его окрестил Егор, проступило подобие слабой улыбки. – Только дети по нынешним временам действительно явление необычное, вот люди и лезут, поглядеть. Ты, кстати, будь повнимательнее и далеко мальчишку от себя не отпускай.

– Даже так?

– Ага! – опять натянул на лицо кислую мину шериф. – Я хоть и старший офицер охраны, полномочия и всё такое прочее, но совету не расслабляться.

– Понятно!

– Да и вот ещё что, – уже абсолютно бесстрастно процедил Славик. – Мы хоть и уважаем Нику, её отца и то, что они делают для нас, но в случае, если к нам нагрянет патруль – отдадим вас, вернее твоего сына. Зависимость нашего поселения слишком высока от коалиции: электричество и лояльность властей даются нам непросто.

– Какой же выход?

– Уходить, завтра же, а пока, рекомендую привести себя в порядок.

– В смысле? – Егор сделал непонятное лицо, хотя догадывался, что имелось в виду.

– Я не знаю, откуда вы вынырнули, меня это не касается, – таким же индеферентным тоном продолжил «экскурсовод». – Но первое правило, которому мы вынуждены подчиняться, следить за своей чистотой. Запах и грязь – это болезни и охотники, так мы называем тех, кто выслеживает людей. Таковых, кстати, становится всё больше. И ещё, у Ники очень хороший нюх..., – чуть помедлив, шериф продолжил, – ... и воспитание.

– Спасибо за откровенность, – смутился Егор, чувствуя, как краска приливает к лицу. Он и сам всё слышал, слава богу, с чутьём у него было в порядке, но в последнее время его пришлось отключить, что ли, чтоб сознание не терять от тех миазмов, которые его сопровождали по жизни. Потому, без лишних слов, Горыныч направился в душевую, по пути подцепив за шиворот попытавшегося было улизнуть от этой процедуры Ваську.

На выходе, после генеральной помывки, их ожидал сюрприз: драньё, в смысле то, во что они были одеты куда-то бесследно исчезло. На скамейке аккуратными стопками лежало бельё и верхняя одежда. Мальчишку экипировали в комбинезон, который явно пахивал нафталином и извлечён был на свет из каких-то давних запасов. Правда, пошит был добротной, из плотной водоотталкивающей ткани, со всевозможными замочками в самых неожиданных местах. Восторженное повизгивание сопровождающее примерку недвусмысленно объясняло всю полноту чувств перехлёстывавших юного модника. Егора же ожидало что-то шедеврическое: комбез сидел на нём как влитой и сделан был из какого-то непонятного вещества. Заметив недоумённый взгляд, Славик пояснил.

– Ограничение по времени, но думаю, что в размер должны были попасть, – не получив никаких замечаний «экскурсовод» продолжил. – Цвет подбирали неброский, кстати униформа стандартная, штурмовая: «хамелеон», меняет цвет под окружающую среду, наноткань с максимальной степенью защиты, – заметив лёгкую прострацию у собеседника шериф забеспокоился. – Что-то не так? Ах да, извиняюсь, шлем и перчатки выдадим вам при расставании.

Егор молча кивнул, стараясь не выказывать свою некомпетентность. Что такое «хамелеон» положим, ему было понятно, но наноткань ему ни о чём не говорила. Впрочем, в памяти отложилось «максимальная степень защиты», но, что конкретно это означало, ещё предстояло узнать. Одно было ясно, его одели во что-то очень классное!

Разбежавшись по поводу мытья, они решили заглянуть и к парикмахеру...

Сухой подслеповатый старичок, приводивший в порядок буйную растительность у обоих своих клиентов, в конце предложил воспользоваться специальным кремом. Объясняя чудесные свойства данного препарата, он довольно хихикал, сравнивая обработанную поверхность с голой попкой «молодого очарования», который так послушно сидел во время стрижки. Василёк с подозрением смотрел на шустрого дедка, соображая нужна ли ему такая голова и о чём вообще речь. Все его сомнения разрешились, после того как старший товарищ наотрез отказался от такой экзекуции, записав всех кто пользуется этой «штуковиной», в лодыри. Мальчишка, также заклеив позором лентяев и всяческих неумех, с самым независимым видом прошествовал на выход.

Потратив, как выразился Вася «на чистку пёлдышек», в общей сложности, несколько часов они наконец-то выбрались в город. Егор хохотал до слёз, пытаясь понять, что такое «пёлдышки» пока мальчуган не вспомнил, что «енти стуки» бывают в подушках и у «птичков». Даже сурового Славика расшевелило такое объяснение, и он с удовольствием подал руку непопсе, который вздумал повисеть между взрослыми «как сосиска». Маленький говорун, вспомнив про еду, изъявил желание чего-нибудь «полопать», но тут же отвлёкся, завидев неподалёку ларёк с инструментами вперемежку со всяческими техническими диковинами. Влипнув в витрину, где красовался дартс, несколько арбалетов и целая куча рогаток, среди которых были даже с прицелом, он позабыл обо всём на свете. Тихо подвывая от восторга, Василёк не обратил никакого внимания на то, что Горыныч ушёл с молчаливого согласия «экскурсовода» в недалёкую кафешку, чтобы заказать еды на всех. Ему было не до этого и в данный момент заведение с гордой надписью «Чемпеоны по шашлыкам!!!» нисколько его не трогало.

Внутри никого не было, и усатый пожилой кавказец уныло восседал за стойкой, подперев рукой седую голову.

– Здравствуй, отец, – Гор выдавил из себя максимальную приязнь, вспоминая обещание, данное Нике. – Чего горюешь?

– Дыраствуй, дарагой, дыраствуй! – заулыбался хозяин, откровенно радуясь посетителю. – Кушать будзешь?

– Да, слегка, а то уже поздновато..., – Горыныч намеревался до конца рассказать о том чего он хочет и сколько их будет, но его не дослушали.

– Вах! Как поздно? Самый время пузо набивать!

– Кому как, а я так привык по-другому...

– Знаю-знаю! – в сердцах замахал руками старик. – У вас, у русских, фисё па-другому!

– Чё-т ты не в духе, отец, – усмехнулся Егор и, чувствуя, что пожилому южанину необходимо выговориться, присел возле стойки на высокий табурет.

– Как тут улыбаться, слюшай? – возмущённо зачастил кавказец. – В администраций вызывай меня, отругали. Люди туда-сюда ходят, всё время мимо! Новый еда придумал – нэ берут, слюшай! Можэт ты попробываешь, лахмаджун называется, а-аа?

– Да нет, уважаемый, – Гор попытался продолжить, сказать, что готов взять что-нибудь попроче, опасаясь экспериментов, так как завтра в дорогу, но ему опять не дали закончить.

– Вахх, слюшай, как огорчил, как огорчил... – запричитал экспрессивный хозяин заведения. – А тут эщё один огорчений, слюшай! Прышёл Кузя-музя гаварит мне, штоб я дзэньги давал через два часа – целую тыщцу. И так каждый мэся-ац!!! Он типерь посмотрячий на этой мэсто. Слово такой – посмотрячий! Куда посмотрячий? В какую сторону? Сыны пашли только, как гаварить буду, одзин сижу, да!

Сокрушённое причитание ещё не закончилось, сопровождаемое охами и вздохами, но время, видать, отмеряло установленный срок – снаружи раздался неясный шум и по-хозяйски уверенное топотанье ног.

Входная дверь громко хлопнула и в кафешку гогоча и матерясь, ввалилось несколько бритоголовых качков. Все как на подбор, в коротких чёрных кожанках и спортивных штанах, они, деловито осматривая помещение, сразу начали действовать. Двое остались у двери, один стал в центре, а последний, квадратный, будто старый канцелярский сейф, что в ширину, что в высоту – одинакового размера, двинулся в сторону стойки, не вынимая рук из карманов.

– Ну чё, дедуня, ты нашинковал капусты? – фраза произнесённая почти ласково, похоже враждебной всё же не была. Хотя, глаза, колючие, серые смотрели по-волчьи из-под тяжёлых надбровных дуг и не предвещали ничего хорошего или это свет так падал?

Да нет же, Егору ничего не казалось!

Вон и хозяин заведения, привстав на своём месте, растерянно переводил глаза с одного бравого бойца на другого, вон и подельнички, рэкетеры долбаные, лыбились, как параши, чувствуя свою силу...

Сомнений не было, сожалений тоже!!!

Егор покачал головой и демонстративно, так, чтобы все видели, пожал слегка подрагивающую руку пожилого южанина. Повернувшись к вошедшим, он улыбнулся как можно дружелюбнее.

– Чё ж вы, орёлики, так, не поздоровкавшись? Не разузнав чё да как, а вдруг домик уже стоит под кем-то, сразу плату определили?

Квадратный слегка приостановился и изобразил на лице подобие изумления.

– А ты чё, защитник что ли?

– Да нет, я сам по себе, – пожал плечами Горыныч, переходя на нормальный язык. – Зашёл на огонёк, послушал старика и решил погонять барбосов, чтоб нормальным людям жить не мешали!

– Ч-чего-ооо? – глаза у Квадратного превратились в две маленькие узенькие щёлки, а левая рука неспешно поползла из кармана.

– Слышь, Кузьма, похоже, это тот, новичок, ну-у слух прошёл, – просипел один из тех, кто перекрывал выход. – С пацанёнком, который!

Кузя-музя, как окрестил его кавказец, задёргал левой щекой и, очерив редкие, лошадиных размеров зубы растянул в непонятной улыбке тонкие губы.

– Вот повезло-то, щас-с про всё и расспросим..., – закончить фразу главарь не смог, захлебнувшись сухим надрывным кашлем и, согнувшись в три погибели, судорожно вытянул наружу какой-то странный предмет, сильно смахивающий на игрушечный пистолетик.

Громкие крики и какой-то нечеловеческий вой, внезапно оборвавшийся на самой высокой ноте, перекрыл шум толпы, обратив на себя внимание. Несколько мгновений спустя, дверь «Чемпионов по шашлыкам!!!» с грохотом распахнулась. Здоровенный бугай, хватая широко раскрытым ртом воздух, неуверенно протопал на негнущихся ногах несколько шагов и завалился на бок. Через порог попытался переползти ещё один, но так и затих, наполовину высунувшись на улицу. Звенящую тишину, которая воцарилась после этого, только изредка нарушала чья-то громкая икота, доносившаяся из кафешки.

– Хрена се, шашлыков кто-то похавал! – прошептало где-то.

Народ потихоньку стал подступаться поближе, гадая, что произошло. Правда неведение было недолгим, в дверном проёме проступила высокая, затянута в штурмовую униформу фигура.

– Слышь, братишка, чё там у вас? – полюбопытствовал какой-то модник в мексиканском пончо.

– Да так, не обращайтесь внимания, воспитательный процесс проходил, – доброжелательно отчитался русоволосый улыбчивый парень.

– Хрена се, воспитание! – опять прошептало где-то.

Толпа возмущённо загудела, загомонила многоголосьем, обижаясь на всё сразу: на власть, на порядок, кто-то прошёлся по законам, кто-то возмутился по поводу непрошенных гостей – «Понаехали тут!!!». Правда, недовольные тут же успокоились, завидев выступившего вперёд шерифа-Славика.

– Разобрался, значит? – пробубнил блюститель порядка, хмуро оглядывая стремительно рассасывающийся по разным углам народ.

– А что, что-то не так? – забеспокоился Егор. – А где Вася?

– Рогатку выбирает, – донеслось из шашлычной.

«Экскурсоводу» хватило одного взгляда, чтобы всё понять и без слов: двое, не выбравшихся наружу, в том числе Кузя, лежали у стойки, тихо постанывая и матерясь от боли, хозяин заведения был невредим. Старик сидел обалдевший от всего того, что произошло в его помещении, и громко икал, то и дело повторяя.

– Килянусь мамой! Я ему пра сваю жызнь гаварил, а он сразу дыраться!!!

Ночного отдыха никак не получалось...

Небольшую комнату, гордо именуемую гостиницей, то и дело оглашало яростное шипение. За ширмой потихоньку бесилась Ника, стараясь не разбудить счастливого Василька. Тот свернулся на раскладном кресле калачиком, прижимая к груди рогатку с прицелом, повизгивая и поскуливая во сне. Событий у мальчугана было не меньше чем у взрослых, но сон пацанёнка всё же сморил в отличие от его старших товарищей.

Егор молча сидел в углу, на корточках. Время, от времени до него долетали слова, от которых он морщился как от зубной боли.

– Нет, ну это надо! Рэкет он тут нашёл! В Городке! У Храма!!! Куртки ему, видите ли, не понравились со штанами? Да как хотят люди, так и одеваются и на это внимания никто не обращает!!!

На какое-то время тишина воцарялась, чтобы взорваться новыми подробностями.

– Хорошо хоть людей не поубивал!!! Ребятам и так на внешних периметрах достаётся! Поставили их на лёгкую работу, налоги собирать, чтоб передохнули, сил набрались, а он? Защитник обездоленных, блин!

Несколько минут передышки и снова.

– Нет, ну не могу! Пистолет ему почудился! У Кузи половины лёгких нету, восстанавливать надо. Достал человек иньектор, чтобы лекарство впрыснуть, а он его по башке!!!

Горыныч, слыша, уже известные ему факты, то и дело надувал щёки, медленно выдыхая и лохматя голову.

Что тут скажешь!!!

Каждая фраза, долетавшая из-за хлипкой перегородки, «хлестала» его по мордасам совершенно безжалостно. Сероглазая фурия, то и дело вспоминая какие-то новые подробности, никак не могла успокоиться. Хорошо хоть жизнь за дверью, судя по всему, никогда не засыпающего до конца Городка, позволяла Егору менять почаще позы. От долгого неудобного сидения ноги затекали, и потихоньку не всегда получалось, а на каждое услышанное шевеление, девушка тут же реагировала какой-нибудь новой колкостью. «Алкаш невоздержанный!» и «Псих ненормальный!» – больно ранили самолюбие, но Гор героически терпел, понимая, что оконфузился крепко. Только лояльность по отношению к Нике спасла его от серьёзных последствий, потому, он старался не шуметь, надеясь, что утомление прошедшего дня сделает своё дело и угомонит её.

А утром, утром станет уже полегче...

Пар, выпущенный накануне. Время, которое делает своё дело – ему ли не знать? Психология и риторика, науки, которым уделялось очень большое внимание при его обучении, не раз выручали. Только в этой, уже новой жизни, многое позабылось и его поведение смахивало на возню слона в посудной лавке.

Что ж, надо было всё вспоминать и как можно быстрее, а то так недолго и до беды!

Громы и молнии потихоньку затухали, теряя свой первоначальный запал. Усталость брала верх и, наконец-то наступила долгожданная тишина. Можно было чуток расслабиться...

Егор вынырнул из полудрёмы оттого, что за дверью кто-то был. Он никогда не причислял себя к суперменам или людям с какими-то исключительными способностями, но чужое, недоброе присутствие, чувствовал даже в забытии. Эта способность или «дар божий», не раз его выручали. По этой причине, он, собственно, и полз сейчас на карачках в ту сторону, чтобы понять с кем имеет дело.

Права на ошибку не было!

Очередного «ляпа!», лично для него, не существовало. Нику не тронут, это было понятно, но вот Василёк – без вариантов: отдадут чижика коалиции, в руке не дрогнет автомат. Опять жиж ребята зачётные баллы поимеют у тех, кто курирует данный объект, наверняка таковые имеются.

Во рту пересохло, сердце в груди бухало так, что его, наверное, слышали те, которые, «гости за стенкой»...

Мандраж колотил Горыныча, только что зубы не клацали во всеуслышание. Именно в таких случаях простые обыватели делают глупости и, как правило, погибают. Неподготовленные к действиям в экстремальных ситуациях люди в эти минуты похожи на стадо баранов и ведут себя соответствующим образом. Гор об этом знал, более того, он умел не быть вот таким

бекающим и мекающим существом, из которого маломальский умелец легко мог приготовить шашлык.

И тело не подвело!

Адреналин, который бурлил в крови, будто Ниагарский водопад сделал своё обычное дело: успокоил, встряхнул и заставил прийти в себя. Голова заработала как часы, без сбоев. Внутри включился механизм боевого взвода, чётко регламентирующий каждый его шаг. С того момента как они расстались со Славиком-шерифом, прошло довольно много времени. За окном, судя по ощущениям, стояла серая предрассветная муть, время, когда самый сладкий сон. «Та-ак, кому же это не спится?» – прикинул Егор. – «Ребята мимо пробираются или к нам, по-тихому?»

Наиболее удобная позиция для встречи «дорогих гостей», на случай, если шли всё-таки за ними, была только одна, сбоку от двери. Гор её и занял, по привычке массируя пальцы рук и задерживая дыхание, чтобы накачаться энергией. Получилось неплохо: организм, похоже, что окончательно стряхнул с себя многомесячное оцепенение, просыпаясь от долгой спячки и вспоминая всё, чему его учили...

Замок щёлкнул почти неслышно, и в дверь скользнула серая размытая тень. Второй призрак остановился на пороге, блокируя выход. «Друзья так в дом не входят», – мелькнуло в голове, а с врагами у него разговор был короткий. Егор, а в данный момент Горыныч, самая боевая его ипостась, больше не раздумывал...

...когда-то, когда он был ещё совсем пацаном и армейка светила уже конкретно, перед его семьёй, т.е. перед ним и его матерью встал вопрос: «Что делать?» Косячить от призыва по тем временам было совсем «не модно», но у родительницы его имелся солидный блат в лице начальника одного из Карагандинских военкоматов...

Здоровье у него было отменное, голова соображала неплохо, так Егорка, кровиночка мамина, и оказался в Высшей Диверсионной школе при МО СССР, под Хабаровском.

Ни он, ни она толком не знали, чем это всё для них обернётся. Мать, хотела лучшей доли для сына, сына же распирала гордость оттого, что ОН будет шпионом...и обязательно спасёт Родину!!!

Больше они не виделись...

Маманя в скором времени умерла, захавнув от одиночества, тоски и неизвестности. Сынуля её узнал об этом, перелетая из одной точки «интересов» его страны в другую, и только скупая мужская слеза сползла по небритой щеке. И вся его последующая жизнь подчинена была службе, и крутило и вертело им, исходя из этого, и винить в этом было некого. Сами сляпали для себя судьбу такую, а после 93-го могила матери ещё и в другом государстве оказалась. О как!!! Но всё ЭТО было в прошлом, а вот наука, которая вбивалась в училище, потом и кровью, на многочасовых-многодневных-многомесячных занятиях...ОСТАЛАСЬ!

Дядя Миша, как любовно, про себя, называли его курсанты, тренер по спецподготовке, не зря свирепствовал, заставляя выкладываться при выполнении любого упражнения в спортзале или на полигоне. Следил за каждым их шагом, каждым вздохом, добиваясь от них не тупого автоматизма в движениях, присущего восточным школам, а творческого подхода. Внучал своим ученикам, что они подобно зодчим, должны ваять на поле брани, обходясь без шаблонов, виртуозно и неподражаемо. Объяснял, что сила русского оружия и заключалась в том, что, например, дальневосточный дореволюционный казачок, выходя на бой против самураев, легко мог стоять против пяти-шести противников и побеждать их! А всё почему? Да потому что, имея в своём арсенале определённый набор боевых навыков, он не тупо применял их в ожидаемой последовательности, а «работал» так, что все его удары и выпады были непредсказуемы, в отличие от его врагов...

Гор не раз с теплотой вспоминал своего учителя, выбираясь из очередной передраги, а его крылатую фразу зарубил у себя в голове золотыми церковно-славянскими буквами: «Хочешь жить – двигайся и как можно быстрее! Остановился – умер!!!» И Горыныч двигался. Придумывал для себя свои собственные комплексы и упражнения, которые развивали его реакцию и быстроту, прислушиваясь к своим ощущениям, и двигался. Разговаривал со своим организмом, общаясь с каждой клеточкой, и двигался. Двигался, заставляя мышцы и сухожилия сокращаться с невероятной скоростью, и ВСЕГДА выдавать максимум того, что заложила в них природа...

...того, кто перекрывал выход, Егор выключил первым. Он был ближе. Чуть присев он с выдохом «засадил» ему свою правую, немного повернувшись в движении и включив всё тело в удар. Кулак, словно кувалда, врубился в солнечное сплетение, мгновенно сворачивая в мучительной судороге тело нежданного гостя. Второй, короткий удар, той же правой, пришёлся в область левого глаза: голова противника «поехала» резко вниз, вслед за скрючившимся туловищем и встретила всё с той же «кувалдой».

Падая, словно подрубленный, ночной визитёр выронил пистолет, который Гор неловко подхватил из безвольных рук и тут же им воспользовался, только не по прямому его назначению...

Скользнувшая в помещение первой, тень, не задерживаясь, атаковала, стремительно и без промедления. В правой, чуть выставленной вперёд руке, угадывался нож. Шансов уцелеть против неё, в ограниченном тёмном пространстве, было маловато, так как противник двигался очень быстро, не давая возможности перегруппироваться. Правда, в ладони неудобно, дулом назад, лежала тяжёлая «волына»... и Горыныч, как учили в молодости, нестандартно, применил её, метнув резким кистевым броском, нападавшему прямо в голову. Пистолет смачно хряснул бойца, остановив его в каком-то метре от Егора и тот, зашатавшись, беспомощно зашарил в воздухе опустевшими руками. Смертельная «приправа» с глухим стуком выпала из ослабевших конечностей, а «искры» из глаз, которые посыпались у бедолаги, были вовсе не воображаемыми. Гор, решил не мучить ночного визитёра слишком долго и «потушил ему свет», опять пустив в ход свою «кувалду».

Добивать оглушённых не стал...

Он и так успел накосячить в Городке, а вдруг эта спецура, судя по ухваткам, ребята непростые, приходила по какой-то надобности, о которой Горыныч не знал. Разборки по этому поводу были впереди, вероятные огорчения тоже, радовало только одно: он вошёл в контакт полностью, присутствуя в нём не только на физиологическом уровне. Гор ощутил бой каждой клеткой своего естества, воспринимая движения противников ещё на расстоянии, своей аурой, своими электромагнитными полями, которые окутывали все его органы в отдельности и создавали плотный кокон, остро чувствующий любую агрессию. Психофизическое восприятие, вера в себя – тоже вернулись к нему. И это означало, что его способности полностью восстановились и один из самых грозных «Воспитателей» возвратился в свою шкуру готовый ко всему!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.